

ШИРИН МАНАФОВ

АКТЕР И ЛИЧНОСТЬ

(публицистические заметки о жизни и творчестве Лютфали Абдуллаева)

1920-е годы. Поколение прорыва

Он появился на свет 22 марта 1914 года в небольшом городе Нуха. Именно так до 60-х годов прошлого века назывался современный Шеки, один из старейших очагов азербайджанской культуры. Не углубляясь в историю шекинского ханства, напомним все же о вкусе его правителей, чему свидетельство – украшенный непревзойденным искусством «шебеке» дворец, о котором в свое время Назым Хикмет сказал: «Даже если в Азербайджане не будет больше никакого другого здания, достаточно показать миру Дворец шекинского хана».

В начале XX века это был второй после Баку промышленный центр – благодаря издавна развитому производству шелка, первой в Азербайджане табачной фабрике и заводу по производству хлопкового масла высокого качества.

Что касается времени, на которое пришелся период юношеского формирования артиста, то это были 20-30-е годы прошлого века, время крушения вековых устоев и формирования новой, советской власти, а также новой культуры, нового искусства. На волне лозунга «культуру в массы!» возникает такое специфическое для того времени явление, как театр агитации. Агиттеатр был призван перебороть страх молодых перед угрозами старших, которые не разрешали членам своих семей работать на советскую власть. Юные актеры разыгрывали агитки – сцены – плакаты, миниспектакли или просто читали стихи с призывами учиться, разоблачать старых хозяев и работать на конфискованных у них фабриках. Особенно эффективным такой метод мобилизации оказался в промышленных городах, каким была Нуха.

«Ребята! Давайте в наши ряды! Мы построим новую жизнь!» Выступая в школах и цехах, артисты буквально вырывали из-под плотной завесы страха и косности тех, кто, несмотря на недовольство старших, как это было и в доме Лютфали, готов был влиться в группу прорыва. Для жадной до нового молодежи театр стал магнитом, символом другой жизни с ее новыми ценностями.

Лютфали, обладатель абсолютного слуха и приятного голоса, происходил из семьи богатого купца. Известный своим отнюдь не тихим нравом и консерватизмом Амир киши увлечения сына пением не одобрял, а уж к театру и вовсе относился с презрением. Вопреки воле грозного отца, с двенадцати лет Лютфали – участник представлений нухинского Агиттеатра.

Здесь вкусы его формируются под влиянием человека достаточно интересного и необычного. Созданный Бахшали Ахундовым (все звали его Бахшали Эфенди) в 1920 году Театр агитации очень скоро становится заметным явлением в Нухе. Сами факты биографии этого нестандартного человека – свидетельство его незаурядности и поистине широких интересов.

Бахшали родился в 1898 году в семье состоятельного нухинского купца. Его родственник, хозяин шелковой фабрики, нанял учителей для своих детей, Бахшали учился вместе с ними, оказался способен к языкам, изучил французский и немецкий. Поступил в Париже в медицинскую школу, но, не закончив ее, по семейным обстоятельствам вынужден был вернуться в Нуху. Затем он едет в Тегеран. Там изучает фарси и арабский, занимается изучением Корана. Но призвание свое чувствует отнюдь не в богословии, а в

просветительстве. Оттого после установления советской власти в Азербайджане в 1920 году возвращается в родной город, где на волне строительства нового общества оказывается весьма востребованным. Вся деятельность Бахшали в Нухе – пример того самого патриотизма, который воплощается в самых различных делах, опирающихся на глубокую осведомленность во многих областях. Именно при его содействии в Нухе начался сбор ценных исторических экспонатов: рукописей, ковров, исторических документов, изделий мастеров, особенно местных ювелиров. Благодаря чему был создан краеведческий музей, один из первых в советском Азербайджане вне Баку. Какое-то время он руководил созданным в те годы нухинским Музыкальным техникумом.

Бахшали не был романтично влюбленным ни в театр, ни, тем более, в советскую власть. Но время дало ему шанс реализовать свою страсть, свою мечту – увидеть в азербайджанцах просвещенную нацию. Руководимый им Театр агитации стал для нухинцев своего рода приобщением к европейским ценностям. Учеников он обучал музыке, языкам, актерскому мастерству. Иными словами, был истинным наставником, проводником в мир духовного совершенства.

Но не он один. Среди тех, кто ратовал тогда за просвещение молодежи, был и Миргасан Ахундов. Старше Бахшали на 5 лет, он, окончив в 1927 году Московский институт экономики, по возвращении в Нуху возглавил кооперативное движение в Белоконо-Шекинской зоне. Основное направление его деятельности – поиск талантливых детей из бедных семей; лучших направляли на обучение в вузы Баку и Москвы.

Лютфали окружали яркие, честолюбивые сверстники. Многие выходцы из Нухи, будущие ученые, представители азербайджанской интеллектуальной элиты, начинали свой путь под влиянием Агиттеатра... «Поколение прорыва» – так говорил о своих подопечных Бахшали. Среди друзей детства Лютфали и участников театральных представлений: будущий драматург Сабит Рахман; тенор Аловсят Садыхов, долгие годы исполнитель партий Меджнуна, Шаха Исмаила, Ашига Гариба, до 1963 года солист театра Оперы и балета; известный актер театра и кино Мамед Бурджалиев; Нуреддин Бадалов, как и его друг Лютфали, прекрасный исполнитель мугама; Мамед Эфендиев, впоследствии известный театральный деятель, первые шаги на сцене, как и Лютфали, делал в нухинском Агиттеатре. В 1931 году Мамед Эфендиев будет направлен на учебу в Москву в институт красной профессуры. Станет автором монографии «Азербайджанская драматургия: проблемы развития». В 1937 году будет заведующим кафедрой азербайджанской литературы в Педагогическом институте им. Ленина. Погибнет на фронте в боях под Керчью в 1942 году. В этом же ряду – Мовсум Саламов (1906-1985гг.) – историк, востоковед, стоявший у истоков Музея истории Азербайджана, первый директор музейного комплекса Ширваншахов в Баку.

С 12 лет участвуя в постановках агиттеатра, Лютфали был участником мощного процесса высвобождения молодежи из атмосферы невежества, косности и подчинения устаревшим традициям.

У Лютфали хороший голос, и многие думали, что вскоре он бросит театр и станет исполнителем мугамов. Любовь к мугаму он пронесет через всю жизнь, и его исполнение многими знатоками будет одобрено за теплоту и чистоту исполнения. Но юноша твердо решил стать актером, и сделать выбор ему помог Бахшали.

– Ты должен развиваться в том направлении, где достигнешь высот, где ты незамечен. Ты можешь стать хорошим певцом и отличным актером. Значит, ты будешь актером.

Бахшали буквально столкнул юношу в веселую пропасть актерства. Сверстники Лютфали знали его как одного из тех, кто выступал на подмостках театра, вопреки негодованию отца. Чем было интересней юноше в труппе, тем сложнее дома. Отец, Амир киши, до революции богатый купец, человек огромного роста, властный, не терпел возражений. После прихода советской власти и конфискации имущества, он замкнулся в себе, не выходил из дома, стал особенно придирчив. Был твердо уверен, что сын Лютфали позорит его и делает посмешищем в глазах окружающих. Ну как он мог предвидеть, что через много лет Лютфали из «позора семьи» превратится в ее гордость...

Неприятное отношение отца к выбору сына и вынудило в 1929 году пятнадцатилетнего паренька без спросу покинуть отчий дом и уехать в Баку.

По словам Вагифа Керимова (шекинского старожилы), определенную роль в этом сыграл Ахмед Анатоглу (талантливый комедийный актер, выступал с 1911 года в театральной труппе «Сафа», исполнитель роли Вели в спектакле «Аршин мал алан», показанном в Москве на декаде азербайджанской культуры 1938 года), в 1926 году побывавший на гастролях в Нухе...

Дальше события развивались так. Осенью 1929 года актеру сказали, что у входа в театр его ждет какой-то мальчик. Это был Лютфали. Он попросил помочь ему устроиться в городе, где у него никого не было. Через некоторое время актер поспособствовал тому, чтобы подростка с хорошим голосом приняли в хор театра Оперы и балета. Счастью Лютфали не было границ. Можно представить себе, с каким нетерпением он ждал первого выхода на сцену с хором...

Именно на подмостках оперного театра он познакомился с Шамси Бадалбейли, человеком, с которым соединят его узы не просто дружбы, но единых творческих интересов и устремлений. Шамси был старше него на три года, но имел к тому времени довольно солидную творческую биографию. Окончив Азербайджанскую консерваторию по классу народного исполнительства и композиции, он стал проявлять интерес к музыкальной режиссуре и устроился ассистентом к драматургу и режиссеру Джафару Джаббарлы. Почувствовав свое призвание именно к режиссуре, Ш.Бадалбейли начал работать в Азербайджанском драматическом театре ассистентом режиссера, вскоре был послан Народным Комиссариатом Просвещения в Москву на стажировку и, вернувшись, приступил к активной режиссерской деятельности в том же театре.

Кто знает, суждено ли было дружбе двух творческих людей развиваться в нечто гораздо большее, чем просто дружба, если бы не случилось событие, ставшее судьбоносным в жизни обоих.

Обаяние театра Музыкальной комедии

30 мая 1938 года опереттой Зульфугара Гаджибейли «Эвликен субай» («Женатый холостяк») открылся театр Музыкальной комедии, которому было присвоено имя Джагила Мамедгулузаде. Поначалу своего здания у театра не было, и актеры играли на сцене клуба, созданного в бывшей вилле Ротшильда (сейчас «Белый город»), затем – на площадке Летнего клуба, под открытым небом. В 1939-м году театр переехал в здание бывшей Еврейской синагоги (теперь Театр песни на улице Рашида Бейбутова). Театр объединял две труппы – русскую и азербайджанскую. В обеих работали талантливые, профессиональные режиссеры и артисты. Соответственно различия и репертуар. Если в русском отделении играли европейскую классику – «Сильву», «Марицу», то самобытность азербайджанской труппы определялась постановками отечественных оперетт.

За короткий срок театр приобрел невероятную популярность. Все премьеры периода 1938-1948, а потом 1956-1970-х годов собирали полные залы. Феномен подобного взлета не изучен, а между тем речь идет о действительно уникальном явлении.

Как же объяснить театральный бум, охвативший Баку в этот период? И как могла возникнуть такая удивительная для «легкого» жанра оперетты ситуация?

Академик А. Мирзаджанзаде о годах своей молодости:

«Бакинская музкомедия моей молодости обладала таким же влиянием на умы, как в уже зрелые мои годы (70-80-е, проведенные в Москве,) театр на Таганке. По восприятию моему – явления абсолютно идентичные – ощущение оптимизма, вызова довольно тусклой и скучной театральной жизни тех лет. Музкомедия бакинская была популярна как среди людей пожилых, так и молодых, что само по себе очень интересно. Более всего мне нравилась азербайджанская классика – актеры играли с большим подъемом, публика реагировала очень живо, эмоционально.

Музкомедия была центром культурного инакомыслия, доказывала нашу национальную индивидуальность. То, что московские критики называли самобытностью, национальным колоритом, на самом деле скрывало гораздо более значительное явление, чем фольклор... Говорят, искусство помогает перенести тяготы жизни, прозу будней. Тем более, в трудные послевоенные годы, на которые пришлась моя молодость. Постановки Музкомедии, блестящая игра всенародных любимцев-актеров, прежде всего Лютфали Абдуллаева, снабжала зрителей историческим оптимизмом, радостью и верой в будущее...»

Из рассказа известного бакинского врача-психиатра Агабека Султанова:

«Я, как постоянный зритель Музкомедии с 1957 года, могу сказать от имени зрителей моего поколения: мы все вышли из «Аршин мал алана». Счастье, что Узеир бек сумел создать театр, как поразительной силы и обаяния духовный центр, своего рода оборону от навязчивой жесткой цензуры, буквально пронизавшей тогда все стороны нашей жизни... Притягательная сила Музкомедии, как и фильма 1945 года «Аршин мал алан», была основана на стремлении сохранить, спасти национальную память о целом периоде в нашей истории, отраженном с большой любовью. Театр Музкомедии, своеобразный «дом Узеир бека», вдохновлял всех нас на создание таких же национальных центров в других областях... Уверен, что достижения в остальных направлениях культуры и науки тех лет – следствие поразительно богатого и разнообразного влияния Музкомедии на культурную атмосферу Баку еще в 1940-х годах.»

Киновед Тогрул Джуварлы:

«Одним из всегдагдаев Музкомедии был легендарный глава «Азнефти» в послевоенные годы – Сулейман Везиров. О нем рассказывают как о необычайно строгом и требовательном руководителе, который мог засиживаться на работе допоздна. Но оперетта была его отдушиной. Актеры театра знали, что он может появиться в любой вечер, придет хотя бы на второе действие, и для него здесь всегда держали свободное место в первом ряду. Только в театре он и мог по-настоящему расслабиться, и та же молва утверждала, что, неожиданно явившись на спектакль, он радостно включался в этот мир музыки и даже подбадривал актеров. Здесь ему было легко и свободно...Это был дом, в котором тысячам людей в гнетущей атмосфере сталинизма хотя бы три часа было легко и свободно.»

30-40-е годы. Поиски самобытности

С самого основания театра в 1938 году Лютфали – в составе основной труппы. И сразу первое большое испытание: театр участвует в знаменитой декаде азербайджанской культуры в Москве. Для нынешнего поколения название «декада», по всей вероятности, ничего не говорит. Но в то время это было отличной возможностью для республик продемонстрировать свое искусство на самой главной сцене столицы огромной страны.

Декада 1938 года вошла в историю азербайджанского искусства как знак признания его высокого качества за пределами республики. Кроме того, был одобрен основной вектор его развития, который должен был непременно найти отражение в новых произведениях на злобу дня.

Но откуда их взять? И вот в театре ставится нашумевшая в Москве «Свадьба в Малиновке»... и не имеет никакого успеха у азербайджаноязычной публики.

В это же время с успехом ставится мугамная опера «Ашиг Гариб», где в роли ашига Вели уже ярко проявляются артистические качества Лютфали – голос, талант актера и танцора. Затем комедия «Визирь Лянкяранского ханства» Мирзы Фатали Ахундова на музыку Ниязи, где Лютфали играет изобретательно и с юмором Керема. В комедии «Той киминдир?» («Чья свадьба?») драматурга Магеррама Ализаде и композитора Агаси Мешадибекова создатели спектакля отказываются от первоначального названия «Депутат гыз», сочтя его пресным и скучным. Публика тепло принимает постановку. К слову сказать, этот спектакль выдержит испытание временем и будет вновь и вновь в различных

режиссерских версиях завоевывать все нового зрителя. Очень удачная театральная находка – дуэт Узуна (Длинный) и Гошуна (Короткий) – таил в себе возможность целого каскада импровизаций в национальном стиле, чем пользовались режиссеры и актеры. Ахмед Анатоглу играл Узуна, Лютфали – Гошуна.

Ну, а потом громкий успех комедии Ордубады и Сеида Рустамова «Беш манатлыг гялин» («Пятирублевая невеста»), где Лютфали играет слепого Мовсума в характерной для него импровизационной манере. Потребность в пьесах, предполагающих активное использование чисто национальной традиции рождающихся на глазах у зрителя шуток, огромна. После бакинского успеха «*Veşmanatlıg gəlin*» эту пьесу ставят театры Шуши, Агдаша, Шамхора, Газаха, Физули, Лянжарана.

В тот период большой популярностью в Баку пользовались концерты актеров Музкомедии в домах культуры, на летних площадках парков города. Чаще всего концерты состояли из сенок из трех спектаклей: «Мешади Ибад» Узеир бека, «Беш манатлыг гялин» Зульфугара Гаджибекова и «Гызыл гюль» Султана Гаджибекова.

С началом Второй Мировой войны театр Музкомедии стал называться Азербайджанским Государственным театром агитации, сокращенно АГИТТЕАТР. Центральное место занимают сатира, антифашистские скетчи. Характерно, что именно тогда, «на потребу дня», в сатирических целях на сцену была допущена ранее гонимая мейхана, мастерами которой были многие актеры Музкомедии...

В 1942-м году художественным руководителем и директором Агиттеатра был назначен Шамси Бадалбейли. Обладавший опытом многих театральных постановок, в том числе и комедийных, прошедший школу советских мастеров театра в Москве, Ш. Бадалбейли создал свою концепцию развития комедийного театра, а потому сразу приступил к обновлению спектаклей.

Сначала – новая версия «Мешади Ибада». Но репертуара явно не хватает. О творческих поисках Бадалбейли свидетельствует неоднократное обращение его к известным классическим комедиям, музыка к которым создается из фольклорных обработок. Так появился музыкальный спектакль «Слуга двух господ» Карло Гольдони, где Лютфали играл Труффальдино.

Идет война, а театр живет полноценной жизнью, и на каждый спектакль появляются отзывы в печати. Театр в те годы выполняет функцию не агитатора, а катализатора театрального процесса даже в условиях войны. Спектакли разнообразны, режиссеры и актеры не боятся экспериментировать. Ведущие актеры настолько популярны в народе, что удостоиваются государственных наград. В их числе Лютфали Абдуллаев, который получает звание Заслуженного артиста республики.

Обновленный Шамси Бадалбейли спектакль «Той киминдир?» воспринимается как праздничный карнавал в довольно скучное на веселье время. В 1943 году «Аршин мал алан» с большим успехом игрался грузинским театром в Тбилиси, а в 1945-м Шамси Бадалбейли ставит «Кето и Котэ» Долидзе. Вариацией этой грузинской пьесы станет поставленная в 1982 году Товстоноговым в БДТ «Ханума». Насиба Зейналова, Алия Терегулова (Кето), Лютфали, Ахмед Анатоглу с удовольствием передают характерные черты грузинского колорита.

В 1944 году Лютфали разрывается между работой в театре и кино, ведутся съемки «Аршин мал алана». До выхода на экран звездного фильма еще год. В летние месяцы труппа выступает на концертных площадках в парках города. Сидячих мест не хватает, и часто зрители смотрят представление стоя.

Роль слуги Аскера Вели Лютфали исполняет с 1938 года. Его герой с таким азартом, удовольствием и с такой самозабвенностью ухаживает за служанкой Телли, что дуэт второго плана становится не менее ярким выразителем идеи фильма, чем главные герои. Символизируя жажду перемен, Лютфали играет не слугу (никакого раболепства), а друга, не подчинение указаниям хозяина, а радость некоего сотворчества; его участие в авантурном приключении сопряжено с большой долей личной инициативы. При этом акте-

ром прекрасно воплощено ощущение собственной силы в достижении цели. «Хитрость против насилия» – в этом он сродни Фигаро. Кто знает, может, Лютфали уже тогда сыграл самого себя, историю своего восхождения от никому не известного провинциального актера до лауреата Государственной премии СССР и народного артиста Азербайджана? Может, отсюда та органичность, с какой он вжился в роль Вели? Так же, как его хозяин, Вели бунтует против косности непринужденно, весело, легко, без позы, без страданий. Уничтожение устаревших штампов для него так же естественно, как стремление к счастью. Его непринужденность кажется такой естественной, что многие пытаются ему подражать. Но второго Лютфали и близко нет вот уже многие годы, ни в театре, ни в кино. Он стал легендой, всенародным любимцем. В его же собственной артистической биографии именно «Аршин мал алан» явился высшей школой актерского мастерства.

Музкомедия конца 1940-х. Формирование стиля

После ошеломительного успеха фильма «Аршин мал алан» авторитет театра Музкомедии взлетел на недостижимую высоту.

Как и все театры, Музкомедия испытывает потребность в обновлении трафаретных, банальных советских схем. Колхозно-советская тематика не выдерживает никакой критики, но это – одно из обязательных требований со стороны единственного заказчика, государства.

Например, в 1946 году на сцене Музкомедии шла оперетта Фикрета Амирова «Cözün audın». Лютфали играл Гахрамана, Насиба Зейналова – Наргилю. В обсуждении спектакля принимали участие Узеир Гаджибеков, театровед Джафар Джафаров, драматург Сабит Рахман и режиссер Рза Тахмасиб. Музыка очень понравилась, но автора либретто Магеррама Ализаде раскритиковали за некоторую схожесть сюжетных линий с популярными постановками прежних лет: «Той киминдир?» и «Гызыл гюль». Именно в этом спектакле загорелась новая театральная звезда – дуэт Насибы и Лютфали. Вспыхнула звезда во многом вынужденно: надо было спасать постановку, а Лютфали и Насиба сумели оживить довольно слабый текст либретто, попросту заменив его своей импровизацией.

Режиссер Шамси Бадалбейли, признав замечания критиков о слабости драматургии и посредственных, вялых диалогах, сделал ставку на чудесную музыку Ф. Амирова и игру актеров. Отныне сюжет не волнует ни режиссера, ни актеров; главное требование к автору либретто – не мешать ведущим актерам импровизировать, создавая колоритные образы и запоминающийся, веселый спектакль. Кончилась самая тяжелая в истории война, люди хотят видеть на сцене веселых, жизнерадостных героев. Актеры играют с большим подъемом, стараясь восполнить схематизм образов и весьма скромный словарный запас героев своей яркой индивидуальностью. Это начало серии многих совместных побед, когда Лютфали включался в актерскую операцию по спасению спектакля. Зрители были благодарны актерам за эту атмосферу праздника, карнавала.

Именно оперетта «Гезун айдын» положила начало устойчивому феномену в советском театре – борьбе двух дуэтов: положительных героев и отрицательных. Сатирические типажи, как водится, бросают вызов двум любящим сердцам. Разумеется, проигрывают, но – в самом конце, буквально на последних минутах спектакля. Если бы герои-любовники побеждали в середине спектакля, зрители им бы этого не простили. Да и не поверили бы, настолько сатирические типажи в исполнении Лютфали и Насибы интеллектуально превосходили милых, симпатичных, трогательных и очень скучных комсомольцев и комсомолок.

Итак, в конце 40-х годов театральный мир Баку был заинтригован новым и очень оригинальным для СССР явлением – режиссер формирует актерское братство в тайной войне с цензурой. Роль Лютфали в этом процессе огромна. Он лидер, он задает тон. Обладая талантом импровизатора, он берет на себя риск обновления сюжетной линии, внесения поправок в весьма пресные сюжеты советских пьес. Признать в годы сталинизма за

актером право на подобную свободу было весьма опасно. Власть может уничтожить бунтаря. Да руки коротки: Лютфали – не просто лауреат Госпремии, его имя внесено в список участников фильма по инициативе «самого товарища Сталина».

Начиная с 1946 года в Музкомедии аншлаг. Всему Баку было интересно наблюдать, как талантливый тандем создает из банальных сюжетов яркий, сочный, очень национальный праздник. Первый этап продлился до 1949 года, затем продолжился, причем бурно, активно, уже после смерти Сталина, в 1956 году. Предоставляемая ведущим актерам свобода отличала стиль руководства Шамси Бадалбейли. Но не надо думать, что разрешалось абсолютно все.

Вспоминает **Хуршид Абдуллаева**, дочь артиста:

– Помню, как папа, взяв меня на спектакль, попросил: когда увидишь, что пришел Шамси, подойди к дирижеру и скажи ему, а он даст мне знак рукой!

Эта система сигналов нужна была для предупреждения актеров – быстро возвращаемся к тексту.

В 1947 году состоялась премьера «Дурны», которую можно считать одной из легендарных постановок театра. Автор либретто – Сулейман Рустам, композитор – Сеид Рустамов. Спектакль имел успех, но за этим успехом – долгие часы обсуждений, сотни предложений и исправлений. Шамси Бадалбейли долго работал с Алией Терегуловой, прежде чем удалось создать обаятельный лирический образ главной героини. Публика и критики отметили замечательные лирические песни Сеида Рустамова в исполнении Терегуловой и талантливого певца Кямала Керимова. Но самым важным компонентом успеха стала сама атмосфера спектакля с его двумя линиями: любовной и сатирической.

Пьеса о деревенской жизни «Дурна» открыла серию «колхозных» комедий. Как самая удачная и искренняя в этом ряду, она стала на многие годы примером для либреттистов деревенских пьес.

У зрителей и коллектива театра – словно заговор. Спектакли – какая-то не нанесенная на карту СССР автономная область, где нет ни Сталина, ни сталинизма. А чиновники? Эти смотрят и не видят. Ни за что не поверят, что какая-то группа артистов может осмелиться пойти против линии партии по воспитанию нового человека, использовать советскую власть в целях создания свободного человека. Каким всегда был Лютфали.

И если режиссер, в расчете на блестящих актеров театра, видел в либретто нечто карнавальное, то включалась вся труппа, и результатом был шумный успех. Так был создан шедевр из комедии Сулеймана Алескерова на либретто Сабита Рахмана «Улдуз». Вновь события происходят в колхозе, теперь он называется «Новый путь». В колхозе есть филиал Института субтропических растений. То ли филиал при колхозе, то ли колхоз есть филиале. Бюрократ и тайный вредитель в исполнении Лютфали не намерен повышать урожайность лимонов и мандаринов. То, как он играл вредителя, было настолько обаятельно и остроумно, что зрители от души желали ему успехов. Хотя он и не скрывал, что ему глубоко начхать, обеспечит ли республика центр дешевыми мандаринами или нет, не говоря уже о выведении новых гибридных сортов. Тогда как передовая, сознательная колхозница и красавица Улдуз и ее возлюбленный – передовик Бахтияр, страстно любя друг друга, не менее страстно борются за рекордный урожай лимонов. У них две мечты – создать семью и забросать СССР дешевыми лимонами.

Лютфали на репетициях в свойственной ему неповторимой манере спрашивал у шекинца Сабита Рахмана, откуда вдруг у него такая любовь к цитрусовым? Мандарины в Шеки никогда не росли, и с чего это Сабит создал «субтропическую» пьесу? Вот если бы речь шла о росте урожая гороха или лобью, он бы понял Рахмана. Видимо, ответ драматурга не устроил актера, и пришлось внести в спектакль много своего, фирменного. Лютфали и Насиба взяли всю нагрузку на себя и сыграли ведущие партии в этом спектакле блистательно. Лютфали и Насиба явно наслаждались ситуацией и, по спектаклю было видно, повеселились всласть. Нельзя им отказать во вкусе: издевались над лирическими героями тактично, в меру, как бы приглядываясь к реакции цензуры, властей.

К счастью, власти не проснулись. Тем более, что колхозная передовая общественность в конце разоблачила вредителя, со вкусом сыгранного Лютфали. Бюрократ за попытки помешать выведению нового сорта цитрусовых был наказан и уволен, и институт сумел наконец запатентовать новый гибридный сорт лимонаопельсинов. Чиновники были довольны спектаклем. Дорога к новым трудовым подвигам открыта. А в Шеки шутили: лучше бы Сабит Рахман вывел гибрид каштаногороха, сколько тогда мы сэкономим бы каштана и гороха в приготовлении «пити».

В 1964 году режиссером А.Гулиевым был снят одноименный фильм, одним из главных художественных достоинств которого стала замечательная игра актеров оперетты: Лютфали Абдуллаев, Насиба Зейналова, Башир Сафароглу, Малика Агазаде, Гаджибаба Багиров, Сиявуш Аслан были в этом фильме выше всяких похвал.

Романтический сюжет эпохи сталинизма

Это могло произойти только в сталинские времена. В 1943 году состоялась встреча Лютфали с его будущей супругой Севдой Пепиновой. История их взаимоотношений – настоящий романтический сюжет: разные сословия, семейный запрет, долгие годы врозь. И, наконец, свадьба. Но мы попытаемся представить их в контексте сквозной линии нашего повествования, а именно спасения национальной памяти и таланта артиста.

Они познакомились в столовой для работников искусств, куда она пришла по карточке своей матери – Хуршид-ханым Агаевой, проректора консерватории. С первых дней знакомства Севда прямо рассказала о тех вещах, какие Лютфали, как актеру советского театра, необходимо было знать: что она дочь врага народа – одного из министров АДР Ахмеда Пепинова, расстрелянного в 1937 году. Ее совсем не огорчает то, что ее не принимают в комсомол и сокурсницы избегают ее. Она одинока, у нее нет подруг, но это ее устраивает, так как их заставили бы доносить на нее. Лютфали заинтригован. К тому времени он уже состоявшийся актер. Ему есть что терять. Другой бы на его месте прекратил контакты с дочерью врага народа, а он ищет все новых с ней встреч. Редких, так как ее бабушка Хадиджа категорически против.

Хадиджа ханым – представительница татарского княжеского рода. Родом из Ташкента, она вместе с сестрой Зейнаб – одна из немногих мусульманок, получивших до революции образование в Петербурге, в Смольном институте. Как-то (это было в начале XX века), гуляя по Невскому, сестры Абдурахмановы увидели объявление о том, что на другом конце империи в открывающуюся женскую семинарию требуются преподавательницы-мусульманки. Обе, не раздумывая, откликнулись на этот призыв (деньги на дорогу им выслал Гаджи Зейналабдин Тагиев, при активном участии которого и была построена эта школа). Так сестры очутились в Баку и, как оказалось, на всю жизнь. Вскоре Хадиджа ханым вышла замуж за Гасан-бека Агаева.

Этот молодой человек, выходец из Гянджи, на средства того же Тагиева в Москве окончил медицинский институт. Вернувшись в Баку, он активно включился в кипящую жизнь свободомыслящей интеллигенции, печатался, как журналист, во многих прогрессивных изданиях, а во времена АДР занимал пост заместителя председателя парламента. Погиб в 1920 году в возрасте 45-ти лет в Тбилиси от пули армянского террориста.

Одна из трех дочерей, рожденных от брака Хадиджи ханым и Гасан-бека, Хуршид ханым (мать Севды) стала первым азербайджанским музыковедом, автором первой монографии о творчестве Узеира Гаджибекова. Муж ее – Ахмед-бек Пепинов (по происхождению турок-месхетинец) – также был видным общественным деятелем. Окончив Горийскую учительскую семинарию, а потом экономический и юридический факультеты Московского университета, он был прекрасно образован, знал семь языков. В правительстве АДР занимал пост министра земледелия и труда, был автором проекта земельной реформы. В советский период некоторое время занимался публицистической деятельностью, но в партию большевиков не вступил. В 1937 году Ахмед-бек был расстрелян.

Позже, на следствии по делу Багирова в 1953 году, выяснится, что его убил в своем кабинете выстрелом из пистолета сам Багиров. По-видимому, бывший депутат парламента АДР Ахмед-бек Пепинов знал о Багирове так много, что его нельзя было отпускать из кабинета даже в камеру тюрьмы. Красавица Хуршид ханым вышла вторично замуж, так что маленькую Севду с шести лет воспитывала бабушка Хадиджа.

Жизненный путь дочери «врага народа», как можно легко предположить, был отнюдь не усыпан розами. К счастью, ее тетя Назакет ханым, родная сестра матери, преподавала в Институте иностранных языков и поспособствовала тому, чтобы прекрасно владеющей немецким языком племяннице не чинили препятствий. Так 17-летняя Севда стала студенткой отделения немецкого языка.

И все-таки, несмотря на запрет бабушки, встречи Севды и Лютфали продолжают. Хотя оба понимают, что они из разных миров.

Лютфали начинает приглашать Севду на свои спектакли, после провожает домой. Между тем, против этих встреч были не только родные Севды, но и коллеги Лютфали, вся артистическая среда: «Один из наших, да еще один из лучших, отдает свое сердце женщине не нашего круга. Театр – это семья, значит, он должен принадлежать нам, он должен выбрать кого-то из наших», – так наверно рассуждали актрисы Музкомедии, яркие, блистательные, обожаемые публикой. Эти мотивы усилились после триумфа фильма «Аршин мал алан» в 1945 году. Какая актриса не хотела бы соединить свою судьбу с лауреатом Сталинской премии? Да еще с человеком широким и щедрым, умеющим красиво ухаживать за женщинами...

Спротивляться эгоизму артистической среды актеру было так же нелегко, как и Севде – своей бабушке Хадидже. К тому же, у него непростые отношения и с самой Севдой. Она тоже не сразу стала ему доверять. Она не верила, что человек, так хорошо вписавшийся в систему, может ее полюбить и принять ее правду и ее сложный характер. К тому же она – отнюдь не фанатка жанра музыкальной комедии и предпочитает оперу. Но главное – помнит о своем долге перед памятью отца и перед всей семьей – стать супругой такого же именитого человека с корнями. А Лютфали?

По мнению бабушки Хадиджи, *«комедийный актер, парень из провинции – такие кандидатуры даже не рассматриваются. Тем более – комедиант, любимец властей. Один из тех, кто готов на любые роли ради того, чтобы выжить, вписаться в ненавистный режим. По ролям в театре, да, наверное, и по жизни – слуга, актер второго плана».*

Тем не менее, он рискнул вскоре после знакомства послать сватов ... и, конечно, получил категорический отказ. Думала ли Севда, при всей своей симпатии к нему, что этот худенький парень, тогда еще не вполне определившийся в своем творческом и человеческом амплуа, не сдастся и решится бросить вызов всему, что мешало его любви.

А он? Он еще никогда не встречал женщины, влюбиться в которую – значит бросить вызов. Кто знает, может, если бы не эта встреча с Севдой в самом начале съемочного процесса фильма «Аршин мал алан», Лютфали не сыграл бы свою роль столь вдохновенно! Напор, динамика, драйв (как сейчас говорят) ... Да, эта женщина ему очень интересна, но и он себе очень интересен: как повести себя в ситуации, где все против его желаний, воли?

Жизнь – как театр? Вполне возможно, что он представлял себе происходящее именно так: *«В 1943 году ко мне подошла девушка и потребовала, чтобы я в жизни сыграл роль, как в фильме. И если в жизни у тебя ничего не получится, и ты не решишься, то и в фильме тоже не получится».* И он принял вызов, ведь человек он был очень азартный и обожал тех, кто ставил перед ним по сути невыполнимые задания.

Севде трудно было поверить в силу его характера, в его умение преодолевать препятствия. Тем более в эпоху сталинизма, когда известные творческие лица не то, что за брак с дочерью врага народа, а за знакомство и дружбу с детьми врагов народа лишались партбилета, изгонялись из театра. Не верила даже после 1945 года, после вручения Лютфали Сталинской премии – высшей формы благосклонности режима.

После триумфа «Аршин мал алана» Лютфали вновь просит разрешения на брак у бабушки Севды. И вновь Хадиджа ханым отказывает. А гордо брошенное им: «*Я теперь лауреат Сталинской премии!*» не только не помогло, но вызвало дополнительное раздражение. Вот именно, что Сталинской... Он был потрясен, обескуражен и... заинтригован. Впервые в его жизни он встретил серьезное препятствие. Он должен, как Аскер, переиграть и победить. Настолько заинтригован, что стало самому интересно, найдет ли он выход из ситуации. Хадиджа ханым не просто отказала, а унизила его. Обратилась при нем к его другу Шамси Бадалбейли: «Как вы, сын уважаемого мною Бадалбека, можете сватать мою внучку за этого простолюдина!»

Вот и получилось, что жизнь оказалась явлением гораздо более азартным и таинственным, чем театр. Потом, выйдя из дома Севды и оправившись от шока, Лютфали и Шамси не без восхищения вспоминали и анализировали эту сцену царственного отказа бывшей княжны как достойную пера великих драматургов.

«Нет, – утверждал Лютфали, – ключ не сами слова, а изумление, искреннее потрясение: как посмел? И на что надеялся Шамси? В этом изумлении звучало другое», – развивал свою мысль Лютфали. Он чувствует, есть что-то общее между этим снисходительным «мастер смеха» и пренебрежительной формой отказа.

Для семьи Хадиджи Агаевой линия раздела проходила между разрушенным миром идеалов ее мужа, зятя, целой плеяды национальной интеллигенции и бандитами, уничтожавшими национальную память. По мнению родни Севды, Лютфали – необразованный простолюдin, один из разрушителей старого мира, их мира. Хадиджа ханым искренне считала, что актер верит в этот большевистский бред и является исполнителем воли партии. Как же, ведь он обласкан и поднят именно этой властью. А ведь, казалось, после просмотра фильма «Аршин мал алан» она должна была понять, что Лютфали Абдуллаев в силу своего незаурядного таланта выступает не только как носитель, но и хранитель этой самой национальной памяти.

Но нет, она считала его всего лишь исполнителем, преданным идеалам коммунизма. Она не скрывала презрения ко всему советскому, и советские театр и кино не были исключением. Она видела постановки великих театров: Большого в Москве и Мариинского в Санкт-Петербурге, что ей эти советские фигляры с их плебейским восторгом и преклонением перед сталинской медалью-побрякушкой. Посмотрев фильм «Аршин мал алан», она поняла лишь то, что этот провинциальный выскочка сумеет повторить успех его героев с применением современных методов соблазнения и кражи красавиц из семейной крепости. Рядом с её внучкой, с её-то воспитанием и образованием, должен стоять человек ее круга. Севда выйдет замуж за человека образованного, с корнями, обладающего памятью о наших отцах, о светлом, ярком периоде Азербайджана, о периоде ярких эпохальных личностей и событий. А этот актеришка, исполнитель ролей второго плана – он понятия не имеет о таких вещах.

К слову сказать, семья Абдуллаевых никогда не испытывала особых симпатий к советской власти, впоследствии Лютфали позволял себе весьма иронические и смелые реплики в ее адрес. Но это будет позже. Сейчас же советская власть не только ему не мешает, но высоко ценит. Почему же родные Севды пренебрежительно относятся к награде, полученной от самого Сталина? – ответы на эти вопросы очень интересны ему, хотя это рискованное знание, такие вещи предпочитали не знать.

На дворе 1948 год. Газеты из номера в номер печатают страшные вещи: про дело врачей-вредителей, про бесконечные аресты «врагов народа».

Мина Сеидмамедова (внучка Лютфали Абдуллаева):

«Нынешнее поколение не понимает, что такое сталинское время. Им трудно себе представить, что такое десятилетиями жить в страхе за свою жизнь, за свою свободу, их могли посадить, расстрелять, сослать в лагеря, как и сделали со многими, включая женщин и детей. Севду и Хадиджу могла постигнуть та же участь. Возможно, они были на свободе только благодаря удачному браку Хуршид ханым, но и это могло в какой-то мо-

мент перестать их оберегать. И поэтому желание выдать внучку за человека, который, кроме всего прочего (происхождения, образования), сможет ее защитить, что вряд ли смог бы сделать какой-то актер, было для Хадиджи очень важно. Севда росла в этой атмосфере тотального страха за себя, за бабушку».

Для Хадиджи ханым жизнь полна страха: «В такое опасное время моя внучка мечтает выйти замуж за песчинку, беспомощную и беззащитную. Нельзя дочери депутата парламента АДР Пепинова жить сердцем!». Она настаивает, у нее есть отличная кандидатура. «Ты будешь с ним как за каменной стеной. Человек из нашего круга, сын дворянина, участник войны, и в то же время советский офицер. К тому же красавец, статный, представительный, на голову выше этого комедианта Лютфали во всех отношениях. Он будет способствовать твоей карьере», – убеждала бабушка.

Три года спустя Севда все-таки уступает и выходит замуж за Хаджи Мурата Ибрагимбейли. Никто теперь не посмеет чинить ей козни. Она замужем за человеком системы. Почему Севда согласилась на этот брак? В 1949 году ее уволили с кафедры немецкого языка – дочь «врага народа» не может быть преподавателем в институте. И это при том, что национальных кадров в бакинских вузах послевоенного периода было катастрофически мало. Брак с советским офицером, ветераном войны, коммунистом восстанавливает ее на работе. Но все не так однозначно. Хаджи Мурат Ибрагимбейли был не просто человеком с положением. Красавец, вскруживший голову не одной женщине, эрудированный, великолепно говорящий по-русски, он умел красиво ухаживать. Так что вполне возможно, что Севда им увлеклась. Тем не менее, семейная жизнь с этим человеком не заладилась, вскоре она бросает «каменную стену» и возвращается домой.

А Лютфали? Для него началась не лучшая пора случайных заработков, гастрольной жизни и существования на грани нищеты...

И вот спустя годы опять начинаются встречи с Севдой. Ведь все это время она продолжала верить в него. Он жил случайными заработками на гастрольных концертах, а его терпеливо дождалась Севда, человек весьма рациональный, полный честолюбивых планов, научный работник. Это было абсолютно непонятно бабушке Хадидже, но, зная свою внучку, она подозревала, что какая-то очень загадочная логика в ее действиях есть, ведь Севда отвергала все попытки бывшего мужа наладить их отношения. При этом популярность Лютфали растет, растет и его авторитет в театральном мире; и это у Хадиджи ханым не может не вызывать любопытства. Ведь ни одной ведущей роли, всегда играет слуг, помощников, отрицательных типов. Не может исполнитель мелких ролей в театре стать событием. А Севда ищет личность, человека-событие. Легкомысленный, вздорный, и что она в нем нашла? Севда: «Светлый, легкий, тонкий, солнечный и глубокий...»

Муж упорно не дает согласия на развод, и официально они в браке, которого нет. И вот в дело о разводе включается Лютфали. Директриса загса умоляла Лютфали позволить в райком партии, чтобы заведующий «отделом идеологического воспитания трудящихся» приказал ей оформить развод Севды с членом Коммунистической партии и к тому же полковником. Лютфали успокоил ее, пообещав помощь, если кто-то обвинит ее во взяточничестве. «Просто скажи, что тебя попросил развести Лютфали Абдуллаев».

Естественно, театральный Баку следил буквально за каждым поворотом в этом сложном, драматичном спектакле. На следующий день после посещения загса весь город повторял его фразу:

– Жена полковника не является военнообязанной и не должна подчиняться полковнику, а загс – не министерство обороны.

Все это в конце концов покорило непрístupное, холодное сердце бабушки Хадиджи. Через 15 лет после того, как ее внучка Севда и Лютфали познакомились, Хадиджа ханым наконец поняла, что человек, претендующий на руку ее внучки, обладает той внутренней свободой, которую она в свое время чтит в романтических борцах за будущее своей нации. Но больше всего ее потрясло все-таки его отношение к Севде. Ради нее Лютфали рисковал своей карьерой и тем, без чего не мог жить, – сценой. В 1957 году они поженились.

Свадьба прошла в квартире Лютфали, приглашенных ждал роскошный стол и веселье. Из семьи Пепиновых присутствовала только двоюродная сестра Севды Халида со своим женихом – композитором Васифом Адигезаловым. Бабушка Севды на свадьбу не пришла.

Мамед Джалилов, один из близких родственников Лютфали:

– Мне посчастливилось быть на свадьбе Лютфали и Севды. Это было в 1957 году. Тогда не было таких дворцов с огромными залами, свадьба проходила в квартире Лютфали. Присутствовали, в основном, актеры и режиссеры и, конечно, родственники Лютфали. Всего человек тридцать. Тремя часами раньше я находился в зале Музкомедии на спектакле «Дурна». Прекрасный спектакль. Но свадьба была много интересней, это был праздник свободы, юмора, веселья и радости. Лютфали просто светился от счастья, он очень любил Севду и старался, чтобы свадьба прошла весело и запомнилась ей. Жаль, тогда не было видео, это было море импровизации, и время пролетело незаметно. Никогда более он не был так лучезарен, так светел, так счастлив.

А на следующий день, с утра пораньше, Лютфали куда-то засобирался. На вопрос Севды, что это у него за дела в такой день, он деловито ответил: «Qedim baxim Xədicə peşədir». А ведь Севда опасалась, что муж запретит ей встречаться с родственниками!

Прошли годы. Отношение Лютфали к Хадидже ханым было не просто уважительным, но бесконечно теплым. А она... уже на смертном одре призналась: «Один грех у меня в жизни был – не оценила сразу Лютфали»...

И зря. Хотя она не присутствовала, когда он исполнил одну из самых лучших своих ролей. За которую можно было поплатиться своей карьерой. Лучшая роль создана им в жизни, а не в кино, в реальных событиях, по написанному им самим, очень рискованному сценарию. Лютфали вообще всю свою жизнь прожил по написанному им самим сценарию. Такое в годы сталинской диктатуры удавалось единицам.

Лучшая роль Лютфали. Актер и Хозяин

В 1946 году на одном из концертов в Филармонии присутствовал Мир Джафар Багиров. Группе артистов оперетты было велено находиться в зале. Перед концертом по одному они подходили к нему, и тот милостиво протягивал им руку, Хозяин знакомился со своими придворными слугами. Багиров во всем подражал Сталину. Просто протягивает руку, говорит одну-две фразы – и на этом вся близость к искусству. Все было традиционно, пока к Хозяину не подошел Лютфали. На актере вызывающе дорогой костюм, вызывающе отлично на нем сидящий, этакий денди, он светится победой, превосходством, и никакого подобострастия. Он пожимает руку Хозяина, и в рукопожатии нет страха, трепета, робости. И смотрит вызывающе пристально, вот что поразило Багирова.

– Разве таких, как ты, мы не истребили? – было в изумленном взгляде Багирова.

– Как видишь, – отвечали веселые глаза Лютфали. – Не надо так расстраиваться, мне звание вручал сам товарищ Сталин.

Актер рассматривает Хозяина изучающим взглядом. Перед Багировым стоит наблюдатель. Его веселыми и беспощадными глазами само время наблюдает за ним, всемогущим хозяином республики. И тот ничего не может сделать этому человеку.

– Эх, товарищ Сталин, что ты наделал. Если бы ты знал, кому ты покровительствуешь, кому вручил свою охранную грамоту! Этот комик, комедиант, шут, клоун обманул вас. Под гримом простака таится наш злейший враг. За один только этот взгляд его надо расстрелять. Чтобы никто более не смел такими глазами смотреть на власть.

– Теперь ты будешь знать, что все ваши усилия напрасны, – было в улыбке Лютфали, – мы живы... Где же пистолет, которым ты убивал таких, как отец Севды?

Позднее, во время суда над М.Багировым, будет открыто объявлено, что отец Севды Пепиновой был одним из тех, кого лично убил Багиров в своем кабинете.

Но пока до суда еще далеко, пока 1946 год. Лютфали улыбается Хозяину такой улыбкой, что за ней может последовать похлопывание по плечу.

Зал замер и внимательно следит за реакцией Багирова, тот ошеломлен и медлит. Артист не просто смеет вести себя с Хозяином независимо, он смеет это демонстрировать. Лютфали поворачивается и отходит, зал наблюдает, как Хозяин провожает удаляющегося легкой походкой актера своим фирменным испепеляющим взглядом (говорили, что Багиров – лучший ученик Берии по части прожигания взглядом). В зале мертвая тишина... История эта обошла весь город.

Не бойтесь быть яркими. Уроки Лютфали

С момента выхода фильма «Аршин мал алан» на экраны и до ухода Лютфали из жизни он словно учил людей: «Не бойтесь быть яркими, покажите себя во всем блеске».

Во времена сталинизма это было невероятно трудно. Преодолеть страх осмеливались единицы. Даже на сцене, не то, что в жизни. Мало кто мог посмечь, как Лютфали в сцене с Багировым в филармонии, подойти к краю бездны и, стоя на краю, издеваться над бездной, публично бросая ей вызов, за что полюбила его будущая супруга Севда, бросив мужа-офицера, за которым – как за стеной. Благодаря любви к ней, Лютфали и сыграл одну из самых выдающихся ролей, остро необходимых современникам, да и нам, нынешним. Лютфали осмелился бросить вызов Хозяину, который вселял ужас всем своей ненавистью к малейшим проявлениям непокорности, тем более, иронии по отношению к себе, всемогущему и очень злопамятному. Лютфали тогда стал победителем. Через семь трудных в жизни актера лет грозный Хозяин был разоблачен и по приговору суда расстрелян. Бесстрашие, с которым Лютфали бросил вызов в те годы Хозяину, было тайной рекой, питавшей его популярность и всенародную любовь к актеру. На улицах, на прогулках по бульвару к нему подходили совершенно незнакомые люди. Другие шли следом за ним, робея подойти. Неудобно беспокоить, но уж больно хотелось узнать что-то важное для них. Глаза незнакомцев молили актера: поделись своей смелостью, дай хотя бы чуточку своей силы, которая скрывается под маской комедийного актера, поделись своим мастерством обыграть диктатуру хамства.

Лютфали щедро делился своим мастерством с актерами и со зрителями. При этом предупреждал молодых актеров: чтобы осмелиться стать ярким, надо изобрести свой образ на сцене и вне сцены. Тут одного желания мало. Сам он по крупичкам собирал создаваемые образы. С каждым новым успехом это все труднее. Нужен свежий взгляд и смелость забыть старые находки и приемы. Плохие актеры играют маски, сильные – личности.

В гнетущую эпоху сталинизма и позднее, при Н. Хрущеве, Лютфали выполнял важную миссию в несвободном обществе. Все, кто с ним общался по работе в театре или кино, слышали от него слова: посмейте быть яркими. Заставьте себя вырваться из оков собственной трусости, робости, неверия в себя.

Есть известное выражение: человек, сделавший себя сам. Но важнее сделать себя Личностью. Это трудная задача, но и азартная игра. Что всей своей азартно прожитой жизнью доказал Лютфали.

– Я посмел быть Лютфали при Сталине, неужели ты не посмеешь быть Новрузом при Хрущеве? – спрашивал он начинающего артиста Новруза. И пародировал Хрущева на собраниях и съездах. Лютфали создал бы великолепного Хрущева в кино.

В Лютфали был вызов. Обаятельный, очень завуалированный, но вызов. Вызов чаще подается как декларация, требование, а Лютфали был воплощением, если так можно выразиться, обаятельного вызова. После общения с ним невозможно было не попытаться играть рискованно, по-новому. Все время мастер повторял молодым и еще больше – старым актерам Музкомедии: не прячьтесь за штампами.

Долгие годы уже после смерти Лютфали, пока его требование не прятаться за штампами работало, передавалось, как эстафета, театр Музкомедии был ориентиром, явлением. Как только требование забылось, театр потерял своего зрителя.

Конец 1940-х – начало 50-х. Месть Хозяина

В 1948 году умирает Узеир-бек. А в 1949-м – закрывается театр Музкомедии. Эти события были связаны между собой напрямую. Постановлением правительства СССР все театры должны были перейти на хозрасчет, самоокупаемость. В Барде, Закаталах, Шемахе... всего в 15 городах республики закрылись театры. Будь жив Узеир-бек, Музкомедия в Баку смогла бы выжить, да и Мир-Джафар Багиров при желании смог бы сохранить столь любимый в народе театр. Не захотел, пусть все знают – это месть за наглое, вызывающее поведение Лютфали в Филармонии три года назад.

Постановлением Совета министров от 25 мая 1949 года театр Музкомедии был закрыт. Артистов разбросали по разным театрам. Разбросали намеренно, чтобы нигде, ни в одном театре не возродилась вызывающе яркая звезда Музкомедии. Музыканты и артисты рассеялись по Домам культуры и летним эстрадным площадкам. Ряд актеров-лидеров, таких, как Алия Терегулова, Насиба Зейналова, Ислам Шарифов были переданы в распоряжение Министерства культуры. Чиновники так хорошо разбирались в искусстве, что в результате их покровительства Насиба стала кассиршей в кинотеатре. Кого-то отравили в Гянджу, кого-то в Гейчай.

Закрыть самый популярный театр в республике – это была лютая, беспредельная ненависть Хозяина к театру Музкомедии, к дому Узеира Гаджибекова.

Как выживали артисты? Гастролями по всей республике. Собирал концертные группы для гастролей Лютфали. Выездные концерты позволяли ему не только спасти основной состав Музкомедии, но и присмотреться к молодым, начинающим актерам.

На гастролях играли сцены из известных постановок, певцы и музыканты выступали с сольными номерами. Главным спасителем команды Музкомедии был именно Лютфали. Гастроли с участием популярного в народе комедийного актера неизменно проходили с огромным успехом и становились событием. В годы простоя, по воспоминаниям актеров, Лютфали стал, как сейчас говорят, и продюсером, и менеджером. Характерно, что именно в этот сложный период проявились в полной мере его человеческие качества: верность долгу, принципиальность обеспечили заработком десятки безработных актеров и их семьи. Часто он собирал и вывозил на гастроли гораздо больше артистов, чем требовалось. Денег доставалось меньше, но зато гастроли спасали от голода многих актеров и помогали молодым обрести веру в себя. Как-то во время гастролей в Гяндже Лютфали притворился больным, и его роль сыграл тогда начинающий Сиявуш Аслан. Постепенно к небольшой кучке актеров присоединялось все больше начинающих.

Трудные пять лет длилась эта борьба за спасение театра. Борьба почти без надежды на успех. С 1949 года и до самой смерти Сталина была абсолютная уверенность, что Музкомедия больше не откроется. Между тем, именно в процессе этих гастролей не просто сохранялся, но заново создавался костяк труппы. Лютфали это прекрасно признавал, как и то, что ведет опасную игру.

– Да, собираю группу актеров и музыкантов; даем концерты перед тружениками села. Исполняем азербайджанскую классику, товарищ Сталин одобрил. Успех и полные залы. Хлопкоробы в восторге. Разве это не вклад в повышение культурного уровня колхозников?

Но полные залы и восторг зрителей – это звонкая пощечина всем, кто закрыл популярный театр. Конечно, то, что делал Лютфали, было замечено теми, кто закрыл Музкомедию. Его спасала Сталинская премия. Без этого он давно был бы нейтрализован как активный игрок, собирающий великую команду и дающий актерам и зрителям глоток воздуха свободы. Театра нет, но он есть. Вопреки воле партии и всемогущего Багирова. Поведение Лютфали тем более раздражало, так как успех гастролей актеров закрытой Музкомедии свидетельствовал о том, что с позиции хозрасчета Музкомедия была вполне жизнеспособна. Значит, театр закрыт по совсем другим причинам. И единственный, кто об этом напоминает – Лютфали. Ничего не заявляет, ни слова протеста. Просто собирает

и вывозит актеров в провинцию, где их выступления имеют ошеломительный успех. Таким образом, невиннейшие «Мешади» и «Аршин» превращаются в акт протеста против закрытия Музкомедии, которое произошло фактически сразу после смерти Узеир-бека.

Цель гастролей для Лютфали и его сподвижников – полные залы и восторженные аплодисменты. Причем зрители аплодируют именно классике, пьесам Узеир-бека. Эти аплодисменты дают надежду возродить Музкомедию, в том числе, и как память о том периоде, когда герой «Аршина» – Аскер – был явлением массовым.

Вот что раздражало Багирова: для него и иже с ним самым страшным было то, что люди об этом помнят. И кто возрождает эту память? Смешной комик, всего 155 сантиметров росту, уже полнеющий, кажущийся всем простодушным, простым, прямодушным, глуповатым, недалеким и прочее.... Так что формально к Лютфали не может быть никаких претензий. Ну что может быть безопаснее для системы, чем исполнение ролей придурковатых слуг или городского смешного гочу, который обирает торговцев на базаре?

Долгих пять лет после смерти Узеир бека и закрытия Музкомедии Лютфали на свой страх и риск был для актеров театра хранителем традиций. Он научил молодое поколение актеров обыгрывать противника, казалось бы, просто занимаясь своим ремеслом в сельских Домах культуры. А актерский костяк Музкомедии к моменту ее повторного открытия не просто сохранился, но и был в хорошей форме – во многом, благодаря гастрольной активности во главе с Лютфали.

Музкомедия в 1950 – 70-х годах. Театральный джем-сэйшн

Сразу после смерти Сталина в марте 1953 года и снятия Багирова был поднят вопрос о возрождении Музкомедии. В 1954 году была создана труппа под руководством режиссера Солтана Дадашева. В театр вернулись ветераны, и более ста новых актеров пополнили хор и балетную труппу.

Начали с «Мешади Ибада», где Лютфали сыграл торговца Кербалаи Насира, и «Той киминдир?», где Лютфали играл Ашыга Ибиша. Затем возобновили «Аршин мал алана». Играли в здании Оперы и балета. Но реальное возрождение любимого народом театра произошло в 1956 году, когда труппа вернулась в свое здание.

В том же 1956-м году директором и художественным руководителем театра вновь становится Шамси Бадалбейли. Будучи опытным профессионалом, знающим проблемы театра изнутри, он понимает, что нужны свежие идеи. С этой целью был создан худсовет, куда вошли, кроме него: драматурги Сабит Рахман, Сулейман Рустам, Магеррам Ализаде, композиторы Фикрет Амиров, Сеид Рустамов, режиссер Борис Ростинин, актеры Лютфали Абдуллаев и Кямал Керимов. Худсовет был призван возродить ценности школы Узеир-бека – создавать постановки, выстраивать образы и мизансцены, отвергая прямолинейность плаката и примитивную карикатуру.

Многие зрители приходили в Музкомедию развлечься, посмеяться, но со временем становились тонкими наблюдателями, поддавшись очарованию слежения и обнаружения тонких штрихов и нюансов в игре актеров. И каждый раз и «Аршин», и «Дурна», и «Мешади Ибад» звучали по-новому. Один из путей обновления – усиление танцевально-балетной составляющей спектаклей. Для постановки танцев привлечена талантливая Амина Дильбази. В ее интерпретациях характерные танцы становились не просто интермедиями, но придавали новые черты знакомым в народе персонажам. В обновленном виде были представлены: «Дурна», «Гезун айдын», «Улдуз». Не менее важным условием успеха было родившееся еще в конце сороковых традиционное противопоставление положительных и отрицательных героев. Так, в ставшем событием обновленном спектакле «Той киминдир» блестяще выступало трио: Лютфали Абдуллаев играл Гошуна, Башир Сафароглу – Узуна, Насиба Зейналова – Мясте. Эти трое плюс танцы внесли такую свежую струю в прочтение классики колхозного жанра, что спектакль получился просто на зависть всем другим театрам.

Впрочем, спектакли Музкомедии нередко подвергались критике. Примечательно, что в роли критиков выступали все чаще композиторы и музыковеды.

Как Лютфали относился к критике? Спокойно. Он-то знал, каких трудов стоило режиссеру и артистам оживлять перегруженные советской пропагандой и морализаторством тексты. Знал, каков его личный вклад в превращение скучной пьесы в карнавальный спектакль. На совещаниях худсовета специалисты говорили о достоинствах текста, а Лютфали всегда об одном: как сделать из первоисточника праздник.

В 1960 году уже нельзя было зажечь публику, играя колхозные пьесы про передовиков без яркого второго плана, без сигнала: мы играем другое. Начинать надо с интриги, а если ее нет, то актерам предстоит ее изобрести. По воспоминаниям актера Новруза Гартала, именно Лютфали настоял на том, чтобы в этот процесс придумывания интриги включались все участники спектакля. Актеры – не исполнители, а создатели.

Авторы пьес часто обижались, и тогда на переговоры выдвигали Лютфали. Он – инициатор вольного отношения к первоисточнику, он же – и самый тонкий дипломат в переговорах с капризными авторами. Лютфали воздействовал на них магически.

– Вы хотите, чтобы ваша пьеса продержалась хотя бы три месяца? По глазам вижу – хотите. А целый сезон? Тоже хотите. Это возможно при одном условии: если актеры будут играть с удовольствием, то есть если каждый из них найдет свое место в постановке, и каждый будет замечен. Поэтому закройте глаза на то, что мы сделали с вашей гениальной пьесой. А мы никому не скажем.

Лютфали требовал от всех актеров заполнения каждой секунды любой сцены с ним находками, неожиданностями. Это держит зал в предвкушении новых открытий. Авторы были ошеломлены. Им и в голову не приходило находить место в интриге для каждого и расписывать героев второго плана. Они видели только солистов, ведущие партии.

И вот авторы терпеливо ждут, что актеры сделают с их пьесой. А актеры упиваются своим вкладом в спектакль, труппа играет с удовольствием, все увлечены работой над развитием сюжета. Заметьте: работой не над ролью, а над развитием сюжета.

Советские критики часто писали о постановках Музкомедии так, будто речь идет о драме или трагедии. Мол, Лютфали не до конца раскрыл образ тунеядца и бездельника. Отмечая при этом, что спектакль получился веселым и интересным, но его недостатком является игра Лютфали, он недостаточно назидателен. Это правда, он упорно не желал быть моралистом, терпеть не мог поучать. Ни со сцены, ни в реальной жизни. А над критиками смеялся – они писали забавные вещи, например: в игре Лютфали не до конца раскрыт образ вредителя и бюрократа.

– Я же сам себе не враг, – говорил Лютфали, – зачем мне раскрываться полностью в одной роли....

От спектакля к спектаклю музкомедия демонстрировала свой фирменный, набирающий высоту стиль – импровизацию ведущих актеров.

...1960-70 годы. Театр музыкальной комедии популярен и любим, причем не только широкой публикой, но и знатоками. Для театральных гурманов поход в Музкомедию сулит погружение в чудесный мир, знакомый, узнаваемый и развивающийся. Для молодежи – это увлекательное зрелище, полное неожиданностей, юмора и иронии...

Одним из продуктивных авторов Музкомедии был Шихали Курбанов, имя которого сейчас носит театр. Филолог по образованию, человек, широко образованный и нестандартно мыслящий, он вошел в историю азербайджанской культуры как общественный деятель, возродивший национальные праздники, в частности, Новруз Байрам.

Комедия «Özümüz bilərik» поставлена в 1962 году. Автор либретто – Шихали Курбанов, композитор Сулейман Алескеров, режиссер Рауф Казымовский.

Критик Н. Бабаев в газете «Азербайджан генджлери» в 1963 году рекомендовал режиссеру «положительных героев показать поярче, а то очень тоскливые, скучные, бледные на фоне ярких, сочных образов отрицательных героев, настолько великолепно сыгранных, что в них влюбляешься. В этих коррупционеров, бюрократов, взяточников».

Спектакль «Озюмюз билярик» входит в число фирменных постановок Музкомедии. Главных положительных героев играют Мобиль Ахмедов и Шафига Гысымова; отряд отрицательных героев возглавляет зачинщик всех интриг и идейный руководитель бюрократов Лютфали в роли Муртузова, ему помогает Насиба Зейналова в роли Шоляханым, Сиявуш Аслан в роли Ибишева.

За положительными героями – правда советской идеологии и морали строителей коммунизма, за Лютфали и Насибой – жизнелюбие, остроумие, дерзость, удовольствие от схватки, интеллектуальное превосходство. Чем слащавее и беспомощнее аргументы положительных героев, которым отвратительны бюрократы, тем ярче выглядят Муртузов и его компания. Лютфали сыграл его симпатичным, обаятельным и остроумным человеком. Интересно, что в одно и то же время Муртузова играли Лютфали и Башир Сафароглу. Каждый по-своему остроумно и интересно, так что знатоки смотрели спектакль в двух вариантах. Лютфали не суетится, не комичен, он играет бюрократа respectableного, убежденного, что он и есть основа системы, подчинение ему равнозначно подчинению Кремлю. Долговязый герой Башира суетлив, глуповат, смешон, что называется, выдавливая смех.

В эти же годы поставлены еще две комедии по пьесам Шихали Курбанова на музыку Сулеймана Алескерова.

Первая – «Milyonçunun dilənçi oğlu» – сатира на тему «загнивающего» Запада.

Вторая комедия – «Olmadı elə oldu belə», где Насиба играет мещанку, Лютфали – бюрократа. Оба восторженно принимаются залом. Они остроумны, думают быстро и нестандартно, и каждая их реплика вызывает взрыв смеха.

Та же схема применена и в другом успешном спектакле 1963 года – «Səndən mənə yarılmaz». Композитор Ашраф Аббасов, автор либретто – Магеррам Ализаде. Комические персонажи, как клоуны в цирке, вызывают честных советских тружеников на бой. Состав двух армий примерно тот же. И опять в роли главаря зачинщиков Дарчинова – Лютфали, в роли пособницы, Марджан, – Насиба. Они – двигатели интриги и ее мотор. Два отряда бьются в словесных баталиях за признание публики.

Примечательно, что Лютфали никогда не считал, что играет отрицательных героев. Он считал, что всегда играл вызов. Да, я взяточник или бюрократ, так вот я вам бросаю вызов; и не надо плакатов и лозунгов, вы просто докажите, что вы умнее меня, дальновиднее, остроумнее. Тогда я скажу, что ваши лозунги и призывы – не болтовня.

Но ни в одном спектакле положительные герои не могли переиграть Лютфали. Как ни старались режиссеры и авторы пьес, противники Лютфали выглядели бледными, играли и мыслили стандартно и ничего не могли сделать с, казалось бы, одиозными, глупыми, вздорными героями, которых он играл. Маленький, смешной толстячок уложил на лопатки правильных героев и честно сказал под аплодисменты зрителей: пока не переиграете меня, буду брать взятки, дебоширить, хулиганить и всячески издеваться над советскими товарищами.

Между тем, благодаря таким мастерам, как Лютфали и Насиба, победе импровизации над сюжетом, Музкомедия собирала полные залы. Конечно, в блестящей импровизационной технике этого дуэта свою роль играли, выражаясь языком шахматистов, «домашние заготовки». Подобные заготовки рождались на многочисленных репетициях. Лютфали, несколько бравирюя своим даром импровизатора, задавал такой ритм, такую скорость в искрометных диалогах с Насибой, что стоило большого напряжения попеть за ним. И Насиба, пожалуй, единственная из всех актрис, не только выдерживала этот ритм, но и нередко, к удовольствию Лютфали, переходила в атаку. Так что остальные участники спектакля еле попевали за ними. С завистью о них говорили: это – дар природы. Да, но не нужно забывать, что техника диалога оттачивалась на репетициях.

Категорически не имели успеха те пьесы, где Лютфали заставляли играть положительного героя. Он просто проваливал такие спектакли. Например, комедия «Nöcət eləmə» композиторов Агабаджи Рзаевой и Исмаила Гулиева по пьесе Гази Мамедова в постановке Алигейдара Алекперова.

Действие происходит на заводе. Лютфали играет – редчайший случай – положительного героя, старого морского волка. Завод живет нервной жизнью, завод бурлит, коллектив состоит из передовиков производства, но вот возглавляет завод бюрократ и формалист Ходжатов – Hösətov (Башир Сафароглу), к тому же еще и дурак. Но тоскливо старому морскому волку: Лютфали терпеть не может поучать.....

Лютфали всегда играл отрицательных героев с интересом к их позиции. Я – другой, я не хочу быть советским человеком, «вредителем» быть веселее, – казалось, говорил он. И каждый «вредитель» создавался им с таким удовольствием, с таким вкусом к деталям характера, поведения, с такой узнаваемостью, что фамилии героев на следующий день после спектакля становились нарицательными – Дарчиновы, Муртузовы, Аланзаде.

Наставник и ученики

Одной из легендарных черт обаятельного облика Лютфали была та легкость, с которой он делился своими ролями с молодыми. Это была щедрость уверенного в себе талантливое человека и в то же время проявление азарта, той страсти к соревнованию, которые были у него в крови: молодежь, попробуйте переиграть стариков.

Лучше всего он себя чувствовал и включался, когда одну роль играли два, а то и три дублера. Он часто повторял, что роль получается лучше, если у актера есть интересный дублер. Знал это на собственном примере. Алигусейн Кафарли, Башир Сафароглу и Лютфали играли одну и ту же роль – Гаджи Гара. Это были три разных образа, все трое были актерами от Бога, обожали соревнование и были достаточно амбициозными актерами, и все три образа вышли замечательными. Каждый по-своему.

Именно Лютфали тактично и красиво уничтожил пренебрежительное отношение корифеев к своим дублерам, за что последние были ему очень благодарны.

– Кто кому дублер – большой вопрос, – говорил он, зля заслуженных и народных.

Соревнование с начинающими обожал, очень любил играть от противного, все время вызывая дублеров на соревнование. Мой дублер Кафарли играет гротеск? Я буду играть лирический образ, мягкие полутона, никаких ударных сцен, никакого заигрывания с публикой. Кафарли играет лирический образ? А я буду играть карикатуру.

Из воспоминаний **Сиявуша Аслана**:

Благодаря брезгливому отношению Шамси Бадалбейли и Лютфали к привычным для театров закулисным склокам и интригам, продвижение молодых талантов стало стилем Музкомедии в 1960-70 годах.

Резко изменился статус дублера, это не изгой, не палочка-выручалочка, когда прима заболевает, или на гастролях, или на съемках, а конкурент. Атмосфера соревнования в Музкомедии была создана стараниями Лютфали. Он всем показал пример доброго и заинтересованного отношения к молодым. Недовольным звездам он отвечал: чем больше у тебя дублеров, тем ярче твоя звезда блистает.

Актер **Новруз Гартал**:

С Лютфали было интересно и на сцене, и вне сцены, он всем позволял раскрыться. Он и мне легко отдавал свои роли. Это и доброта, и .... ловушка. Можно было легко провалиться. Далеко не все выдерживали сравнение с мастером. Со мной он был добрым, внимательным наставником. Но если бы у меня роль не получилась, он ни за что не отдал бы ее мне. Говорят, Лютфали был добрым человеком. Только в отношении к способным людям. Если ему попадался актер средний, посредственный, серый и вообще никакой, а их словесный бой наблюдали ученики, актеры, молодежь, то тут Лютфали начинал терять жертву, как резвящийся ребенок надоевшую куклу.

В бытовом отношении он был человеком восточным, но в творческом плане не было более западного человека во всем Азербайджане.

Дайте молодежи шанс... Посоревноваться с мастерами – вот его девиз. Все личные привязанности и присущие ему мягкость, снисходительность отступали на второй план, когда речь шла о творчестве. В других театрах молодые актеры по 10 лет играют «кушать подано» в ожидании, когда им предложат большую роль, все эти годы исполняя роли второго плана и теряя квалификацию. Многие талантливые актеры, режиссеры, художники, так и не дождавшись своего звездного часа, уходят со сцены. А дублеры Лютфали становились со временем замечательными актерами, а кто-то – такой же опорой театра, каким был Лютфали.

В 1947 году, то есть год спустя после сцены с Багировым в Филармонии, Лютфали убедился, насколько непредсказуема судьба популярного актера. Испытания ждут и в театре, и вне его. Эту историю он никому не рассказывал, ее поведал муж родственницы артиста Алмаз, в доме которой он обычно останавливался, бывая в Шеки.

Поздний вечер, моросит дождь. Лютфали только приехал в Шеки, завтра должен быть концерт, он сошел с автобуса, такси тогда не было, и он ждал попутку. Остановился грузовик, шофер окликнул его по имени и спросил, куда подвезти. Ответ – в гостиницу, она располагалась тогда в центре города, сейчас там музыкальная школа.

– Полезай в кузов, в кабине уже двое, – крикнул шофер по имени Яшар. Ехать от силы семь минут, актер полез в кузов. Грузовик тронулся, дождь полил как из ведра, грузовик проехал мимо гостиницы. Лютфали начал стучать по крыше кабинки, из окна высывается лицо шофера и тот, улыбаясь, кричит, извини, мол, не заметил, ничего не видно, страшный дождь, мы уже отъехали, задний ход дать не могу, темно, я еще один круг дам и подвезу к гостинице. Лютфали насторожился, почувствовав неладное, но промолчал. Машина описывает еще один круг и вновь не останавливается рядом с входом в гостиницу. Все мгновенно стало ясно, дождь хлещет огромными холодными гроздьями, а шофер не закрыл окно и ждет, когда актер станет вновь бить по крыше кабинки. Высывается лицо шофера и вновь, ухмыляясь, тип заявляет: извини, мол, дождь, ничего не видно, проглядел, вот еще один круг дадим и тогда....

– Не торопись, – крикнул Лютфали, – дай насладиться чистым воздухом. Очень соскучился я по чистому воздуху.

И начал петь. Дождь льет, как из ведра, а он поет в кузове грузовика. Нельзя делать то, что от него ждет этот тип. Завтра же разнесет по городу, как знаменитый актер кричал и неистово бил по крыше кабины, умоляя остановить машину. Холодный осенний дождь, сильные злые капли бьют по лицу, а Лютфали поет. Из окна выглянуло явно расстроенное лицо шофера, он посмотрел на поющего Лютфали, еще больше расстроился, и через минуту грузовик резко затормозил у входа в гостиницу. Шофер вышел, помог актеру спуститься, проводил до входа. Лицо шофера было печально, он был разочарован: еще пять минут назад у него был шанс. Минимум год он с упоением рассказывал бы, как поиздевался над знаменитым артистом, а то зазнался: лауреат, никого не видит, а ведь жили в одном квартале.

Лютфали не был бы самим собой, если бы не пошел на добивание. Тепло прощается с огорченным шофером и говорит: «Ты уезжай, а я еще постою под дождем, подышу чистым воздухом. Если бы ты знал, какой пакостью приходится дышать в Баку, ты бы еще полчаса меня покатал. Ничего, в следующий раз. Спасибо за удовольствие».

Потрясенный, униженный шофер садится в машину, отъезжает.

Промокший до нитки актер, не заходя в гостиницу, ловит другую машину и едет к родственникам. С высокой температурой сутки пролежал у них дома. Строго приказал родственникам, чтобы никому не говорили, в каком он состоянии к ним приехал. В гостинице оставаться было нельзя, весь город узнает.

Назавтра, чуть поправившись, Лютфали с температурой дает концерт. По окончании обращается к залу: «Дорогие мои шекинцы, обязательно передайте шоферу Яшару мою благодарность. Вчера я получил огромное удовольствие. Яшар покатал меня на своем

грузовике, я стоял в кузове и полной грудью дышал свежим воздухом, потом пошел замечательный ливень. Такая радость... Чистый воздух, прекрасный ливень. Я дышал полной грудью. Разве у них там, в Баку, бывают такие великолепные проливные дожди... Я наслаждался каждой минутой и не хотел вылезать из кузова. Передайте Яшару от меня: ма-ла-дес».

Актер уехал, и чем больше шофер Яшар пытался внушить знакомым, мол, все было иначе, Лютфали умолял остановиться, он боится молнии, дождя и быстрой езды, никто ему не верил. С тех пор за ним закрепилась кличка Маладес-Яшар. В памяти горожан тот шофер остался жалким завистником, позором города.

Из воспоминаний

Старшая дочь актера Хуршид Абдуллаева, заслуженная артистка Азербайджана, доцент Бакинской Музыкальной Академии:

Прошло более сорока лет со дня папиной кончины, а я все никак не могу смириться с тем, что его с нами нет. В первое время, не осознав еще факта его кончины, я на звонки по привычке отвечала: «Мама эвдэдир, папа – гастролда»... С момента папиного ухода моя жизнь как бы разделилась на две части: с ним и без него. Конечно, были в этой второй части моменты счастливые, были достижения, успехи, но того ощущения полноты жизни, буквально залитой светом и счастьем, жизни под сенью папиной безграничной любви, больше не было никогда. Дело даже не в том, что папа нас с сестрой баловал безмерно, в отличие от очень строгой мамы, дело в каком-то удивительном тепле, которое от него исходило. Плюс еще та слава, которой он был окружен и которую мы, даже будучи маленькими детьми, не могли не ощущать. Эта слава превращала его в наших глазах в волшебника, которому подвластно совершить самые невероятные чудеса.

В детстве я очень любила бывать на военных парадах. День Победы девятого мая всегда ждала с нетерпением.

Самое трудное было разбудить папу рано утром. Парад начинался в девять часов утра, а папа любил поспать. Без пятнадцати девять мы еле-еле буквально вытаскивали его из постели, и вот он с двумя маленькими девочками пробирался сквозь перегороженные машинами улицы на площадь перед Домом правительства. Помню, чем ближе к трибунам, тем труднее было пройти сквозь толпу, и милиционеры подхватывали и переносили его на руках, и нас заодно. Папа с достоинством проходил по специальному пропуску к своему месту на трибуне, и первые лица государства здоровались с ним, с интересом разглядывая знаменитость.

Популярность его среди народа была просто фантастической. Люди буквально не давали ему прохода. В 60-х годах в кинотеатре имени Низами были ночные одиннадцатичасовые сеансы, завсегда там которых была бакинская интеллигенция. Так вот мама шла заранее и покупала билеты, потому что вдвоем с папой дойти от нашего дома до кинотеатра было за короткое время нереально и можно было остаться без билетов.

Его знали абсолютно все – от машинистки до министра. Как-то он стал собираться из дому, говорит, что идет к заместителю министра похлопотать о деле очередного просителя. На удивленный вопрос мамы: «А ты его знаешь?» – он ответил: «Главное – он знает меня».

Уверена, что он прекрасно понимал силу своего таланта и ему нравилось быть знаменитым. При этом у него не было кичливости и высокомерия.

Анализируя сейчас его поступки, в частности, его неистребимое желание помогать всем и каждому, я думаю, что во всем этом было какое-то подспудное желание превратить жизнь в театр. Он вообще любил изучать, наблюдать людей. Любил всех этих председателей колхозов с их колоритом и специфическими повадками, любил разговаривать с мастерами. В подобном общении рождались какие-то актерские идеи, он и популярен был потому, что его герои были узнаваемы.

Артистов он жаловал не очень. Но любил опекать молодых, в частности, Сиявуша Аслана. Обожал гениального Башира Сафароглу, очень радовался его успехам. А когда тому поставили страшный диагноз, воспринял это как личную трагедию. Тогда в онкологическом институте как раз работали его брат Вейсал с супругой Инной Арнольдовой – оба великолепные специалисты. Тетя Инна потом рассказывала, что папа навещал Башира каждый день и все не мог успокоиться, спрашивал ее – неужели нельзя его спасти. Дядю Вейсала он уважал безмерно. Гордился им, как единственным ученым из семьи Абдуллаевых.

У него вообще было особое уважение к людям образованным. В советские времена царил культ образования, но у папы это, по-моему, было связано и с тем, что сам он актерские университеты прошел непосредственно в театре, был гениальным самородком. В этом – ключ его совершенно особенного, трепетного отношения к маме. Помню, как-то мне очень хотелось попасть на один из его спектаклей, который проходил в будний день. Нам, детям, разрешалось бывать на спектаклях только в выходные. И вот я стала просить, умолять папу: «Неужели ты не можешь настоять, это же ты – артист, и это же твой спектакль!» Никогда не забуду, как он мне ответил: «Рядом с Севдой я никто».

Это не означает, что он никогда не возражал жене. Например, когда мама, всю жизнь приверженная национальной идее, объявила ему, что определила меня в школу в азербайджанский сектор, он воскликнул с негодованием: «Как ты могла! Я хочу, чтобы моя дочь по окончании школы поехала учиться в Москву!» Тут же заставил ее переиграть, и меня перевели в русский сектор. По-видимому, он всю жизнь переживал по поводу своего плохого владения русским. Вызывая восхищение в артистической среде Москвы, он прекрасно понимал, что, владей он русским в должной степени, мог бы играть на всеобщей сцене.

В обычной жизни он был достаточно серьезным, иногда даже суровым человеком. Мог вспылить, но интересно, что даже во время домашних ссор (а такие, конечно, случались, как в любой семье) никогда не срывался на крик. Была в нем какая-то природная интеллигентность.

Помню слова, сказанные мне после моего выступления на открытом концерте в музыкальной школе имени Бюльбюля. Уж не помню, что я исполняла, что-то из европейской классики. Дома папа сказал мне: «Я тобою очень горжусь! Сидел в зале и думал: «Это моя дочь играет!» – Я ему в ответ: «Ну как я могу плохо играть, я же твоя дочка!» – А он: «Запомни, прежде всего ты внучка Ахмед-бека Пепинова!». Он имел в виду отца моей мамы.

Думаю, он был очень горд тем, что женился на маме. Хотя, познакомившись с ней, влюбился с первого взгляда, еще не зная, кто она. Сразу пригласил на свой спектакль и там, показав ее сидящим в зале своим сестрам, сказал: «Видите эту высокую девушку? Я на ней женюсь!» Наверное, это был для него своего рода вызов самому себе – жениться на девушке из такой именитой семьи. Интересно его отношение к матери супруги, моей бабушке Хадидже. Она была долгие годы против их брака. Мама боялась, что после женитьбы он запретит ей общаться с родственниками. Он же, наоборот, сразу после женитьбы на маме с удовольствием стал общаться с бабушкой Хадиджей, проявляя по отношению к ней чуткость и внимание. Часто бывал у жившей в одиночестве женщины и всегда спрашивал: «Что-нибудь нужно?» При этом неизменно обращался к ней по имени и на «ты».

Он был типично восточным человеком, в то же время, женившись на образованной женщине, всячески способствовал ее научной карьере. Когда мама готовила кандидатскую диссертацию, он полностью освободил ее от любых работ по дому.

Его внутренняя интеллигентность проявилась, в частности, в том, с каким теплом он относился к нашей домработнице Дусе. Как-то по дороге с работы домой он увидел в саду сидящую на скамейке плачущую девушку. Вернее, подростка. Когда он спросил, что с ней случилось, она рассказала, что приехала в Баку из молоканского села Хильмели в поисках работы, в семье она шестой (!) ребенок, и родители отправили ее на поиски ра-

боты в Баку, где у нее никого не было, и вот уже конец дня, а работы она так и не нашла. Папа взял ее за руку и привел к нам домой. Нужно сказать, что девушек из молоканских сел часто брали в качестве нянек. Но меня тогда на свете еще не было. В первое время своей жизни в нашем доме Дуся изредка начинала тосковать по дому, плакать. Тогда папа сажал ее в машину и отвозил в родное село. Проходила неделя, другая. Раздавался звонок: «Это квартира Лютфали Абдуллаева? Пожалуйста, приезжайте и заберите Дусю». Ну, а когда родилась я, тосковать она перестала.

В жизни папа был очень серьезным человеком и дома почти никогда не шутил. Помню, как в раннем детстве меня всегда поражало и удивляло, когда увидев его где-нибудь в общественном месте, люди начинали улыбаться или смеяться. Мне становилось ужасно стыдно. Вообще папина актерская жизнь долгое время для нас, его дочерей, оставалась тайной. Когда в нашем доме собирались гости, нас никогда не сажали за общий стол. Мы оставались в своей комнате вместе с Дусей. Нас приглашали, в крайнем случае, один раз, прочитать какое-нибудь стихотворение. Когда гости слишком шумели, Дуся влетала в комнату, говорила торжественным голосом: «Уже половина одиннадцатого, детям пора спать!» – и захлопывала дверь. Позже, годам к двенадцати, я стала понимать, что в нашем доме собираются знаменитости.

Завсегдаем застолий в нашем доме был Шамси Бадалбейли. Они с папой были закадычными друзьями, но главное – творческими единомышленниками. Если папа приходил с репетиции домой и спрашивал с угрюмым выражением лица: «Шамси Бадалович звонил?», мы знали: они поругались. Если же он спрашивал веселым голосом: «Шамси не звонил?» – значит, наоборот, все прошло прекрасно. А ругались они, как правило, по двум поводам. Или Лютфали позволял себе на сцене слишком много импровизации, или Лютфали опаздывал на репетицию ввиду того, что улаживал дела очередного просителя.

Из папиных ролей, увиденных мною в детстве, особенно запомнились спектакли «Аршин мал алан» и «Мешади Ибад». Помню в мельчайших деталях, как он играл в сценах с Амбалом. Зрители просто с хохоту покатывались. С возрастом я все больше и больше понимаю, что воспоминания о моем отце – самое большое богатство, которым я владею.

Младшая дочь, Гюльнара Абдуллаева (режиссер)...

Вставай, приехали дорогие гости.

Мы с моей старшей сестрой Хуршуд были маленькими, когда папа ушел из жизни. Мне было всего 11 лет, но я многое из моего детства помню. Главное – это общее ощущение праздника в нашем доме. Помню, что часто у нас собиралось много людей. Потом, когда я подросла, мне рассказали, что это были маэстро Ниязи с Хаджар ханым, Шихали Курбанов, Тофик Кулиев, Васиф Адыгезалов, Рамиз Мустафаев, Лейла ханым Бадирбейли....

Самым частым гостем был Шамси Бадалбейли. Помню, после одной из премьер вся его семья приехала к нам домой. С Шамси Бадаловичем отца связывала долгая творческая работа и 45-летняя дружба. У них был напряженный рабочий график: часто обсуждение предстоящего спектакля и прошедшей репетиции проводилось в нашем доме сразу после ее окончания и могло продолжаться до утра. Несмотря на занятость на кафедре немецкого языка в институте иностранных языков, моя мама с пониманием относилась к этому необычному графику. Нам с сестрой мама рассказывала, что вначале, когда только вышла замуж за папу, она испытала шок от того, насколько резко различается рабочий режим популярного актера и обычного человека. Она совсем не была готова к такому образу жизни.

Папе удавалось смягчать острые ситуации, он старался освободить маму от домашней работы. У нас было две домработницы, одна из них гуляла с детьми, другая была занята по дому. Но еду мама предпочитала готовить сама – она была фантастическим кулинаром, и папа ел только то, что готовила мама. Папа предпочитал, разумеется, нашу азербайджанскую кухню: обожал пити по-шекински, вообще, был большим любителем

вкусно поесть. Когда у него обнаружили небольшое повышение сахара в крови, он сказал врачу: «Даже если я буду сидеть на диете, все равно умру, так лучше умереть сытым». В свою очередь, мама с удовольствием готовила, часто ей приходилось накрывать стол для многочисленных гостей дома. 25 лет она проработала заведующей кафедрой немецкого языка в Институте иностранных языков. Она вела серьезную научную и педагогическую работу: писала школьные учебники, читала лекции, принимала экзамены...

Напротив входа в наш подъезд папа поставил скамейку для посетителей. С утра он принимал огромное число просителей, скамейка была предназначена для ожидающих. Просители входили в наш дом и рассказывали о своих бедах, проблемах. Он помогал всем; поток не иссякал, с семи утра ждали люди своей очереди побеседовать с папой. Часто он вместе с очередным просителем уезжал в какие-то учреждения. Однажды папа разбудил маму в семь утра со словами: «Вставай, приехали дорогие гости». Мама встает, накрывает на стол, затем папа с гостями куда-то уезжает. Возвращается поздно ночью.

– Где ты был, где дорогие гости и кто они? – спрашивает мама.

– Я им помог, все наладилось, а кто они – я не знаю, – ответил папа.

– Ты ведь сказал, что это дорогие гости, – удивилась мама.

– Если бы я сказал, что впервые их вижу, ты не встала бы и не накрыла на стол.

Позже он рассказал, что у этих людей тяжело заболел молодой родственник, и папа поехал с ними в Минздрав и добился направления на лечение в Москве. На свои деньги купил им билеты, позвонил в Москву друзьям, они встретили и отвезли этих людей в больницу.

Таких историй было много, но иногда мама не могла скрыть удивления. Я помню случай, когда речь шла о просьбах об освобождении из заключения в тюрьме. Мама спросила: «Лютфали, как ты можешь просить за людей, которые сидят в тюрьме?». Папа ответил: «Если я буду разбираться, – *bu yaxshiliq deil*. Если делаешь добро – делай. Если начинаешь думать: этому надо помочь, а этому – нельзя, это уже не доброта, поэтому я помогаю всем».

И люди его буквально боготворили. Потрясающая история была с Назымом Хикметом. Папа пригласил его в гости. У поэта было очень большое сердце, и когда он у входа в подъезд узнал, что нет лифта, сказал: «Я не смогу подняться по лестнице». Папа стоял рядом, стоило ему обратиться к прохожим парням, как тут же четверо парней на руках подняли поэта по нашей крутой лестнице. Папа не сказал парням, что перед ними великий поэт, он просто попросил их помочь его другу подняться по лестнице. Папа их поблагодарил, парни ответили, что для них это большая честь – помочь самому Лютфали.

Мама рассказывала такую историю. Ночь, она стоит на балконе и ждет возвращения папы: он был на свадьбе, и она стала беспокоиться. Наконец, увидела, как он медленно приближается к нашему подъезду, вдруг какой-то парень сорвал с него дорожную шапку. Мама думала – убежит, но вор, видимо, узнал актера, вернул шапку, и они стали о чем-то говорить. Затем папа приводит вора к нам домой и просит маму накрыть на стол. Они беседуют, потом папа зовет маму и при ней обращается к парню: «Когда меня не будет дома, – я на гастролях или еще где, – если тебе нужны будут деньги, приходи, моя жена даст тебе, сколько надо». Парень уходит. Мама обращается к папе: «Он только что сорвал с твоей голову шапку, а ты ему деньги предлагаешь у нас брать?». На что папа ответил: «Во-первых, шапку он вернул, во-вторых, очень нуждался в деньгах».

Через много лет, когда папа умер, тот самый парень подошел к маме и сказал: «Помните меня?». Все 40 дней поминок он таскал стулья, столы, привел своих друзей, и они все помогали.

Мама рассказывала, как однажды они пошли на поминки. Стоило им только войти в комнату, где стоял гроб с покойным, все присутствующие, даже члены семьи усопшего заулыбались. Потом мама сказала, что больше не пойдет с папой на поминки. При этом в быту он был очень серьезным человеком и шутил нечасто.

Я понимаю, что мне очень повезло – родиться в семье двух таких ярких личностей – Севды Пепиновой и Лютфали Абдуллаева. Это – тот ориентир, на который всегда равнялись мы с сестрой, ориентир, о котором я рассказываю своим детям. Мой папа и сейчас помогает нам: многие вопросы решаются легко и по сей день, потому что мы – дочери Лютфали Абдуллаева. Добро никогда не исчезает бесследно, глядишь, в один прекрасный день и тебе поможет человек. Так, как когда-то помогал людям Лютфали Абдуллаев.

Народный артист СССР, ректор Азербайджанской Музыкальной Академии Фархад Бадалбейли.

...Вы поняли, что показал руками товарищ Сталин?

Вся жизнь Лютфали полна интересных, поучительных и смешных эпизодов, ставших легендарными. В 1938 году Лютфали участвовал в Декаде дней азербайджанской культуры в Москве. На заключительном концерте сидевший в ложе Сталин встает и аплодирует исполнителям. Зачарованные видом обожаемого вождя все участники концерта двинутся шаг за шагом к краю сцены, чтобы лучше разглядеть отца народов. Еще шаг-два, и артисты стали бы падать в оркестровую яму. Сталин делает обеими руками жест остановиться и отодвинуться от края сцены, что спасает актеров от падения. Занавес падает, труппа под впечатлением от аплодисментов вождя. И тут Лютфали заявляет: «Вы поняли, что показал руками товарищ Сталин? Каждому исполнителю выдать оклад за 12 месяцев!» Он был одним из немногих, кто в атмосфере всесоюзного поклонения все-сильному вождю сохранил независимость суждений, потому что осмелился в шуточной форме отрезвить, расколдовать зачарованную видом кумира толпу.

История эта получила продолжение. Конечно, о выходке Лютфали стало известно в НКВД. Уже в Баку его вызвали на допрос и дали понять, что спасти себя от тюрьмы он может, только став осведомителем. Дали даже кличку «Леня». Что делать? Парню всего 24 года. Пришлось сделать вид, что просит время подумать. Через некоторое время его вызывают на допрос.

– Ну, рассказывай, что происходит в театре.

– Ничего особенного. Репетируем. Все спокойно.

– Как это ничего особенного? А то, что между таким-то и таким-то был спор, и они чуть не подрались, а то, что такой-то позволил себе высказаться о партии в недопустимом тоне? И ты говоришь – ничего особенного. Иди! В следующий раз будь бдительней!

Проходит какое-то время. Снова вызывают, и снова допрос. Докладывай, что у вас творится.

– Все хорошо. Репетируем. Товарищи актеры ведут себя сознательно.

– Как сознательно, когда такой-то явился на спектакль в пьяном виде, а такие-то шушукались и рассказывали антисоветские анекдоты. В конце концов, кто кого должен информировать – ты нас или мы тебя? Иди отсюда, нам такой осведомитель не нужен.

– Большое спасибо, – сказал Лютфали.

Обаяние его было просто фантастическим. Отсюда – такая бешеная популярность среди народа. А потому он позволял себе вещи, в те времена, да и сейчас, просто недопустимые. В связи с этим вспоминаются множество историй. Например, вот такая.

Среди друзей моего папы Шамси и Лютфали были люди самых различных профессий и должностей. В частности, министр строительства, который славился своим буйным нравом, в обращении с подчиненными был настоящим диктатором и матерщинником. Но человек был, видимо, интересный. Как-то папа и Лютфали договорились с ним встретиться в одном из уютных ресторанов – посидеть, потолковать. Ждут час, второй – его все нет. Решили отправиться в министерство и выяснить, в чем дело. Оказывается, идет совещание, где он распекает строителей, на чем свет стоит – и конца этому всему не предвидится. Что делает Лютфали? Входит с важным видом в зал и громко, на всю аудиторию, обращается к министру: «Салам алейкум!» Зал грохнул от смеха, и заседание закончилось в одночасье.

И ведь нигде не учился. Гениальный самородок. Хотя, безусловно, в театре он приобрел огромный опыт. Музкомедия того времени была ярким явлением. Очень сильная была русская труппа – Аллегров, Сазонова, Подгорная. Ставили классику: «Сильва», «Марица», «Свадьба в Малиновке». Дирижером был Чингиз Гаджибеков – исполнялись достаточно трудные оркестровые партитуры. И все на высоком уровне. Так что между двумя отделениями существовало своего рода соревнование. Они учились друг у друга. Безусловно, это было на благо для всех.

Отец очень высоко ценил Лютфали как удивительного актера. Ему была свойственна какая-то внутренняя свобода, которая проявлялась и в его суждениях, и в движениях. Маленького роста, кругленький, он был невероятно пластичен и умел обыграть на сцене все, включая свою внешность. Например, ему трудно было сесть, положив ногу на ногу. Так он из этих попыток мог сотворить несколько маленьких этюдов-шедевров. А все эти созданные им образы чиновников-подхалимов! Это же настолько тонко схвачено, что работает и по сей день. Изменилось время, но сущность чиновника – она ведь остается прежней. Такого мастерства перевоплощения, как у Лютфали и Насибы, у теперешних актеров нет. При этом – какая культура поведения на сцене! Ведь дуэт Лютфали – Насиба даже в сценах откровенной перепалки ни разу не сорвался на крик – миллион отенков в споре и все – не повышая голоса.

Я знал Лютфали-даи очень близко и могу сказать, что в быту он был очень серьезным человеком и шутил достаточно редко. У меня это не вызывает удивления. Как-то мне посчастливилось оказаться в одной компании с Аркадием Исааковичем Райкиным. Это было после представления, и он сидел опустошенный и обессиленный. Нас всех позвали в гости, он долго отказывался, но ему пообещали, что там не будет много народу. И что же – когда мы вошли, увидели, что за столом сидит человек пятьдесят. Мало этого, напротив него оказалась какая-то крашенная блондинка, которая с недоумением и бесцеремонностью спросила: «Ну, когда же вы начнете рассказывать анекдоты?!» Это все равно, что заставить Рихтера после концерта развлекать публику за ужином. И Лютфали был из этой породы – он не считал, что должен забавлять.

Актер Новруз Гартал – живой архив Музкомедии. Автор книги об истории Музкомедии.

1967 год. Мне очень повезло, в институте мне преподавали такие звезды, как Рза Тахмасиб, а в театре – Лютфали Абдуллаев. Он называл меня Новруз-бала и брал с собой на прогулки по бульвару. Эти прогулки перевернули мое представление об актерском ремесле. Мне представлялось, что базовая основа для актера – память: прежде всего, надо заучить роль. Лютфали считал: база – импровизация. Учил меня оттачивать реакцию и никогда не комиковать. Брал меня на встречи с друзьями в чайхане, что находилась рядом с Театром кукол. Раз или два в неделю там собирались его друзья: профессора, преподаватели вузов, ученые. Очень сложный мир, беседы о науке. Нельзя попасть впросак. Замечания, реплики Лютфали всегда были уместны и проясняли мне запутанные монологи ученых.

– А чем мы тебе интересны? – спрашивали педагоги.

– Мои герои скопированы с вас, та же манера настаивать, вести споры, то же желание переиграть противника, – отвечал Лютфали

Меня это поразило. Актер изучает и использует не только манеру поведения, внешние проявления характера, но и логику рассуждений каждого. Казалось бы, где спор ученых, а где легкий жанр музыкальной комедии? Но, оказывается, именно это было для него своего рода питанием, и он великолепно использовал свои наблюдения, иногда поражая своего оппонента в театральных спорах – Насибу Зейналову – на сцене и вне сцены. Искусство ведения диспута интересовало его в первую очередь. Меня это удивляло: в конце концов, ведь не актер создает текст! Но нет, текст своих ролей создавал всегда Лютфали.

Я видел, что Лютфали был интересен этим очень непростым людям; он был нужен им – некий свежий взгляд, неожиданное мнение независимого наблюдателя.

В 1970 году мне пришла повестка в армию, Лютфали идет со мной к военкому республики, тогда им был Муртуз Кулиев, гигант двухметрового роста, мы с Лютфали ему были по пояс. Конечно, военком дал отсрочку мне на 1 год и, провожая, сказал: «Лютфали, больше не приходи сюда. Рано или поздно меня посадят из-за тебя». – «Тогда перестань призывать в армию актеров и шекинцев», – ответил артист.

Джахангир Новрузов, заслуженный деятель искусств: Если говорить о театре Музкомедии как о явлении азербайджанской культуры, то начать нужно с личности Шамси Бадалбейли. Не будь Шамси, не было бы ни Лютфали, ни Насибы, ни Башира, ни Алигусейна Кафарлы. Потому что, сплотившись вокруг этого широко мыслящего человека, актеры-самородки научились облекать свои таланты и мастерство в нужную эстетическую форму и тем самым не только доставлять удовольствие народу, но и формировать вкусы азербайджанской элиты.

Будучи широко образованным человеком, Шамси Бадалович великолепно знал и традиции национального площадного театра, а потому в своей концепции комического жанра сделал ставку на свободу актерского мышления и импровизацию. Он сам был великим импровизатором, и его режиссерские находки уже таили в себе возможность свободного отношения к тексту. Метод его работы с актерами заключался в том, чтобы во время репетиций дать им как можно больше свободы – пусть фонтанируют отсебятиной и остроумными репликами, пусть подбрасывают свежие идеи. Актеры, вобрав в себя сырой материал, пропускали его сквозь сито своих жизненных представлений, а поскольку жизнь – штука изменчивая, и многое зависит от мировоззрения окружающих тебя людей, например, от партнера по сцене, то на репетициях выдавались все новые и новые решения, варианты мизансцен и диалогов. Ведь от многого можно отбросить лишнее, а из малого ничего не выжмешь. Затем режиссер очерчивал главные драматические узлы: что-то объявлялось незбылемым, а что-то давалось на откуп актерской импровизации, так что на спектаклях готовый продукт пекся буквально на наших глазах.

Что же касается авторов всех этих пьес, то они сердились не на то, что с их текстом обошлись весьма вольно, а на то, что не они сами до этого додумались. Жадно ловили они каждую новую реплику актеров, записывали и искренне радовались тому, что их текст превращался в шедевр. Мальчиком мне доводилось часто присутствовать на репетициях. Помню, как автор пьесы «Дом наш, тайна наша» Новруз Гянджали подошел к маме с тетрадью и ручкой:

– Насиба ханым, если вы не против, я добавлю эти реплики к оригиналу. Как я сам не додумался до этого!

Отдельным удовольствием было – наблюдать за игрой артистов из-за кулис. Мама частенько брала меня с собой в театр. И вот как-то я наблюдаю: выходит из своей гримерной Лютфали в белой майке и длинных трусах (по роли в спектакле он должен был быть одетым именно таким образом), из другой артистической выходит мама, а по коридору им навстречу движется Шамси; и они реплика за репликой начинают элементарно хулиганить, подзуживая и толкая друг друга. Для меня, мальчишки, это было шоком – увидеть степенного, недосыгаемого важного Шамси Бадаловича в этих его знаменитых очках в таком амплуа...

Да, он был из тех руководителей, который понимал, что актерам нужно давать возможность и покуролесить, и пересмеять друг друга. Было множество закулисных хохм, забавных историй, при этом непорочные, искренние отношения, не было склок – и все это во многом благодаря старой гвардии во главе с Лютфали. В театре его называли не иначе как «Эми» (уважительное отношение к старшему). Народ его буквально боготворил – сколько он спас от несправедливой тюрьмы, сколько помог устроиться на работу, помог со здоровьем, поместил в больницу!

Показателен следующий случай, о котором любил вспоминать актер **Сиявуш Аслан**.

Как-то у Лютфали сломался автомобиль. Мастер, починивший машину, категорически отказывался брать деньги. Ремонт был нешуточный, мастер потерял много времени, использовал новые запчасти, и Лютфали долго настаивал. Обычно в таких случаях мастера говорили: «Положи свои деньги в карман. Не позорь меня!» А тут человек мало того, что не взял деньги, но еще и прокомментировал свой поступок: «Это я тебе должен. В следующий раз расскажу». Прошло несколько месяцев, опять что-то не заладилось с машиной, и тут мастер рассказал, что происходило у него в доме эти несколько месяцев. Когда в его доме собирались гости, он рассказывал, как он помог самому Лютфали Абдуллаеву с ремонтом. Достал дефицитные запчасти... Жена всегда спрашивала:

– А ты взял с него деньги?

Жена обожала этот момент, гости замирали и всматривались в нее, когда она давала вопрос.

– Неужели ты это сказал – дай деньги?

– Ты с ума сошла! – мастер тоже обожал этот момент рассказа. – Ни за что. Мои дети будут питаться одной кашей, а жена умирать с голоду, ни за что с такого человека не возьму.

– Почему? – подавала реплику его жена, которую мастер с удовольствием оставил бы умирать с голоду.

– Да потому, что я с тобой еще никогда так хорошо не жил, – отвечал мастер. – Всегда цапались, ругались, а сейчас уже три месяца живем, как в раю. Первый раз в жизни жена не осуждает меня за то, что я не сорвал с клиента деньги. Ведь ты, Лютфали, сделал меня и мою жену частью своего праздника. Иди домой, завтра приходи, машина будет готова.

Взращенный родным городом Лютфали отразил шекинские типажи во множестве образов, настолько обаятельных и ярких, что, просматривая редкие, сохранившиеся старые кадры, каждый раз не перестаешь удивляться: насколько же непостижима и тонка вот эта неразрывная связь жизни и музыкального театра.

Шекинцы вспоминают Лютфали

Племянница Лютфали, Алмаз, и ее супруг Гейгез – вообще-то, по паспорту, Заур, но так как голубоглазый, все звали Гейгез, и это ему нравилось – были одними из самых близких Лютфали людей, в их большом доме он часто ночевал.

– На один-два дня наш дом и сад становились для него территорией отдыха и свободы. Он всегда просил никого не звать, – вспоминает Алмаз.

У Гейгеза отличная память, он с удовольствием рассказывал мне о встречах с актером.

Утро. Лютфали и я завтракаем в саду. Алмаз принесла чай. Вечер прошел очень интересно, насыщенно, я пригласил пару общих знакомых, застолье получилось на славу. А теперь утро и надо чем-то угощать гостя. Я имею в виду не мед и сметану, а другое. Лютфали все время требовал, просил, жаждал. Его надо было угощать интересными людьми и историями. Я и сказал тогда:

– Эх, Лютфали, не хотел тебе говорить, только очень у меня тяжелая жизнь.

– Интересно, – сдержанно говорит Лютфали. (Он знал, что Гейгез ни в чем не нуждался, да и характер у него твердый, никогда не жаловался).

– Очень у меня тяжелая жизнь, – повторяю я, выждал паузу и продолжил: – Вокруг меня одни скучные, серые, незаметные, неинтересные люди.

Смотрю, Лютфали мгновенно проснулся, улыбается, поощряет – продолжай, давай, давай, интересно. Охотник учуял дичь. Алмаз сходу включается:

– Это кто тут серый, незаметный, бледный и вообще – никакой? Это я, что ли? Да я самая интересная женщина во всем Шеки. Я столько историй знаю, Лютфали и половину из них не сыграть.

– Речь не о тебе, – говорю жене и обращаюсь к Лютфали. – Вот, например, неделю назад умер один из наших соседей, вроде бы пожил человек, должен был успеть накопить что-то интересное, а я не знаю ни одной истории, связанной с ним, чтобы угостить нашего гостя.

– А как его звали? – спрашивает Алмаз.

– Не помню, – отвечаю я.

– Как ты не знаешь имени соседа, на поминки которого тебя позвали?

– Что ты пристала, – говорит Лютфали. – Как Гейгез может знать имя человека, если он не помнит ни одного интересного случая, с ним связанного!

– Давай выпьем за то, чтобы нас с тобой всю жизнь окружали одни только интересные люди, – предлагаю я.

Мы приняли по рюмке, и утро расцвело всеми красками, соловьи запели веселее и завтрак показался вкуснее, прекрасное получилось утро. Днем, на обеде у нашего знакомого, Лютфали поднял тост за вкусных людей.

Воспоминания Союхбулаг-Айдына – так его прозвали в Шеки, потому что долгие годы он был директором самого популярного ресторана «Союхбулаг».

Мы часто обедали в маленькой компании: Бахтияр Вахабзаде, Лютфали, мой брат Маис, однажды был среди нас строитель Нуру. Он делал ремонт в родовом доме поэта, и тот его пригласил. У Нуру – тонкий юмор тактичного, наблюдательного человека, Лютфали это ценил. В другой раз мы были втроем: Бахтияр-муаллим, Лютфали и я. Это был примерно 1970 год, и прошло уже 45 лет, а я помню беседу, как вчера. Два друга с упоением, воодушевлением рассказывали друг другу разные истории из их молодости, много смеялись, хотя речь шла о голодных годах войны и первых послевоенных годах в Баку.

Потом с меньшим азартом говорили о необходимости проведения праздника именно шекинского юмора. Это была красивая мечта о возрождении национального театрального представления. Красивая, но, казается, несбыточная, ведь в те времена праздники отмечались только советские, даже Новруз байрам официально не праздновался, так что об этом оставалось только мечтать. Их мечта осуществилась, в 1983 году в Шеки состоялся праздник шекинского юмора. К сожалению, уже без Лютфали. Праздник прошел именно так, как хотели его увидеть друзья: всенародное гуляние, театризованное представление на стадионе, конкурсы актеров, певцов, карикатуристов.

Вагиф Керимов, заслуженный деятель искусств:

1967 год, мне 14 лет, выступаю в Шекинском театре вместе с Лютфали. Зал переполнен. Для начинающих актеров это был экзамен, мы должны были заинтересовать мастера своей игрой. Все знали его нелюбовь к комедийным трюкам – нельзя кривляться, надо удивлять зрителя и играть даже в очень известных пьесах что-то свое, новое. После спектакля он собирает актеров, спрашивает, у кого какие проблемы, и звонит по организациям, начиная от домоуправления и кончая военкоматами. Во всех случаях достаточно было двух фраз, и проблема решалась в пользу актеров. Все исполнители подходили и спрашивали у мастера: «У меня есть шанс состояться, как актер?» Каждому он открыто отвечал: «Надо пройти школу в сильном столичном театре, нужны годы терпеливой учебы у мастеров. Возможно, произойдет чудо, а это всегда сочетание таланта и характера. Но должно произойти еще одно чудо – вы должны пронести сквозь горькие порой годы ученичества светлое, праздничное самоощущение. Актер с ожесточенным трудной жизнью характером быстро сходит со сцены. Сохранить внутренний свет и пронести его сквозь годы жестоких испытаний – иначе нельзя. Требований много, на театральный Олимп пробиваются единицы».

1973 год начался для Лютфали с блистательной премьеры «Хиджран». А затем – утрата, которую он тяжело пережил: 9 апреля скоропостижно ушел из жизни двоюродный брат Вейсал, профессор-патологоанатом, человек, которого он не только любил, но и безмерно уважал. Цифра 9 оказалась роковой и в его жизни. Седьмого декабря он вернулся домой после творческого вечера в Политехническом институте. А после ужина стал звонить друзьям. В том числе поэту Бахтияру Вахабзаде, который после того, как произошла беда, вспоминал об этом своем последнем разговоре с другом.

Лютфали тогда сказал: «Скоро я встречу с Махмудом, что передать ему?»

Бахтияр не сразу понял, что речь – о его покойном отце, а поняв, воспринял это как очередную шутку. Между тем, у Лютфали всегда было какое-то предчувствие своего раннего ухода, он давал понять это в разной форме, и фраза была сказана, видимо, отнюдь не случайно.

В ту же ночь у него случился инсульт, и через день его не стало.

На торжественном прощании в его родном театре среди людей, стоящих в почетном карауле, была Севда Пепинова. Это была дань уважения не только своему супругу, но и человеку, чье имя отныне уходило в вечность, став одним из символов азербайджанской культуры.

В 2014 году театральная общественность Азербайджана отмечала 100-летие со дня рождения выдающегося азербайджанского актера Лютфали Абдуллаева. На родине артиста в Шеки был организован международный театральный фестиваль. Тогда же в Шеки был установлен бюст замечательному артисту.

Этот очерк не только дань памяти, уважения к одному из достойных сынов нашей страны, но одновременно и попытка разобраться в причинах той всенародной любви, которой он был окружен на протяжении всей своей жизни. Люди того, уже ушедшего поколения с гордостью вспоминали Лютфали Абдуллаева как всеобщего любимца. Каждый второй пенсионер в стране заявлял, что лично был знаком с мастером, каждый пятый уверял, что они были друзьями.

Лютфали Абдуллаев действительно стал живой легендой своего времени, и в народе его называли просто по имени.

Молодежь не знает прошлого, считая, что летоисчисление должно начинаться с появления Facebook. Интернет-поколение живет под девизом «не грузите нас»: мир многих ушедших советских реалий справедливо вызывает у него отторжение. Но кто будет отрицать: именно в эту эпоху нивелирования исторической памяти на волне новых идейных установок каким-то непостижимым образом не только сохранилась, но и получила развитие национальная традиция.

Представляли ее в том числе и написанные еще до революции музыкальные комедии Узеира Гаджибекова, поднявшего этот жанр на небывалую высоту. В годы сталинщины это солнечное искусство сыграло для масс роль своего рода спасительного маяка, помогавшего верить в свою собственную национальную неповторимость, оригинальность и значимость.

Бюст Лютфали установлен в одном из скверов в верхней части Шеки. И вот шекинцы сразу предложили рядом с бюстом разместить серию фигурок, изображающих сыгранных им персонажей. И это совсем не случайно. Роль комедийного актера и значимой общественной фигуры Лютфали сыграл так точно, так вызывающе демонстративно, как боялись играть и демонстрировать себя многие, не менее одаренные советские артисты. Время было откровенно безжалостным к талантливым и ярким, но Лютфали не побоялся... и – победил.